

26.81-(2P36)

ВВ
В 53

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ПРИКАМЬЯ

Б.Н. Вишневецкий

ПУТЕШЕСТВЕННИК
КИРИЛЛ ХЛЕБНИКОВ

1968

19/4/6

241-19/11/68

171-18/11/68

1331-10/11

284-2/11

1143-2/11

1890-24/11

559-2/11

609-19/11

9085
9090
9095

29 90 ч 14

26.8г (2Р36) 91/09 П/ В53 В55

Б. Н. ВИШНЕВСКИЙ

ПУТЕШЕСТВЕННИК
КИРИЛЛ ХЛЕБНИКОВ

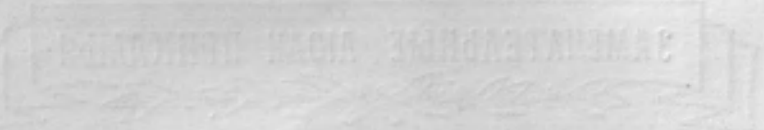
430004.2

84

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
г. ПЕРМЬ — 1957 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

На родине Кирилла Хлебникова	3
Из истории Российско-Американской компании	10
Кирилл Хлебников на Камчатке	22
Жизнь в Русской Америке	32
Декабристы и А. С. Пушкин в жизни Кирилла Хлебникова.	45
Его культурное наследие	59
Литература	

Борис Николаевич Вишневецкий
ПУТЕШЕСТВЕННИК КИРИЛЛ ХЛЕБНИКОВ

Редактор *Т. И. Вершинин*
Художественный редактор *М. В. Тарасова*
Технический редактор *Н. Г. Неудакина*
Корректор *В. Ф. Сукманов*

Подписано к печати 5 октября 1957 г.
Бумага 60x84^{1/16} 3,3 бум. л. 3,75 печ. л. Уч.-изд. 3,3 л. + 1 вклейка
ЛБ506574 Тираж 3000 экз. Цена 1 р. 10 к.

2-я книжная типография Облполиграфиздата.
г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Заказ 840.

НА РОДИНЕ КИРИЛЛА ХЛЕБНИКОВА

Гордо звучат русские имена на карте мира. От холодной Антарктики, через жаркие тропики, до величественных льдов Арктики — всюду на этих просторах мы находим следы деятельности русских людей, оставивших свои имена на географической карте.

Поиски иной, лучшей жизни, жажда знаний, торговля с далекими народами — все это многих толкало на путь землепроходцев, смело идущих в неизвестные края.

К таким людям, стремившимся на «край света», принадлежал и «мещанский сын» Кирилл Тимофеевич Хлебников — уроженец приуральского города Кунгура. В те времена Кунгур часто называли «сибирским городом», так как Сибирь считалась не за Уралом, а чуть ли не за Волгой-матушкой. В самом конце XVIII века Кирилл Хлебников оставил родительский дом и отправился «искать счастья» в далеких неизвестных краях.

* * *

Первое заселение русскими той местности, где стоит ныне город Кунгур, связывается с походом Ермака.

Дружина Ермака, направляясь в 1579 году из строгановских вотчин на покорение Сибири, плыла на судах вверх по реке Чусовой, держась, вероятно, левого берега. Незаметно для себя, воины повернули на Сылву — левый приток Чусовой. По этой реке они поднялись выше современного Кунгура. Только здесь казаки заметили свою ошибку.

В этих местах они вынуждены были зимовать. Во время зимовки войско Ермака значительно поредело. Некоторые

люди разбежались, другие занялись мирным трудом, поселясь в окрестностях современного Кунгура.

С именем Ермака связывается ряд географических названий Сылвенского края. Так, около села Снегирево, Кунгурского района, есть деревня Ермаки. В окрестностях Кунгура, над ледяной пещерой, имеются следы древнего поселения, которое носит название «Ермаково городище». Выше по реке, около дома отдыха «Песчанка», возвышается скала, известная в народе под названием «Камень Ермака».

В древности на территории Сылвенского края жили ненцы (самоеды), манси (вогулы), ханты (остяки) и другие народы, позднее здесь поселились татары.

Плодородные земли, орошенные рекой Сылвой и ее притоками Иренью, Шаквой и другими, привлекали к себе земледельческое население из более северных районов, из Чердыни и Соликамска. Шли сюда люди с верховьев Камы, с Вычегды и ее притоков. Об этом говорят фамилии переселенцев (Чердынцевы, Усольцевы и другие), а также названия сел и деревень. Например, в деревню Кайгородово, Кунгурского района, жители пришли из селения Кайгородки, Кировской области.

На земле, купленной у татар, при речке Кунгур, впадающей в Ирень с правой стороны, русские поселенцы основали в 1648 году город, назвав его по речке — Кунгуром.

Однако через пятнадцать лет город был разрушен коренными жителями края, восставшими против русских властей.

Оставшиеся в живых кунгурыки в 1664 году восстановили свой город, но на другом месте. Теперь они поселились в пятнадцати километрах от прежнего города, на высоком берегу Ирени, недалеко от места впадения ее в Сылву.

Новый Кунгур раскинулся на высоком берегу (тут было село Мыс), между двумя значительными в то время реками Сылвой и Иренью, на большой дороге в бескрайнюю Сибирь. Такое выгодное географическое положение обеспечило Кунгуру последующий экономический расцвет. В городе стали возникать различные производства: салотопенное, кожевенное, кузнечное и прочие.

Что представлял собою Кунгур в конце XVIII века?

Этот город был в то время значительным центром торговли и промышленности в крае. Возникновение Перми не мешало дальнейшему росту старинного города. По развитию промышленности Кунгур занимал тогда на Урале второе место, уступая лишь Екатеринбург (ныне город Свердловск).

Особенно сильно развивались ремесла и кустарные промыслы.

К концу XVIII века в городе насчитывалось 139 небольших кожевенных заводов (первый из них возник в 1724 году). Кунгур являлся тогда крупным кожевенным центром, каких было немного в России.

В январе-феврале 1774 года Кунгур был осажден восставшими крестьянами-пугачевцами. Перепуганный насмерть кунгурский воевода Миллер трусливо бежал из города.

Отец Кирилла Хлебникова был в то время городским головой. В Кунгуре служили дед и прадед К. Т. Хлебникова. Дед Кирилла двадцать лет занимал должность президента города, прадед служил бургомистром. Прапрадед Кирилла Хлебникова происходил из Новгорода Великого. Оттуда он, вместе с другими жителями в порядке заселения пустых мест, был переведен для службы в Кунгур.

В конце XVIII века через Кунгур проезжал, следуя в ссылку в Восточную Сибирь, А. Н. Радищев. По преданию, он останавливался в воеводском доме, где находилось помещение для арестантов. Двухэтажный каменный дом сохранился до нашего времени. Он стоит в центре города на высоком левом берегу Сылвы.

Население Кунгура, конечно, знало о приезде странного узника. Приехал он под конвоем, а по городу ходил свободно и осматривал все, что его интересовало. В некотором отдалении за приезжим следовали городские зеваки и толпа мальчишек. Среди них мог быть и десятилетний Кирилл Хлебников, отчий дом которого стоял под горой, на расстоянии одного квартала от воеводского дома.

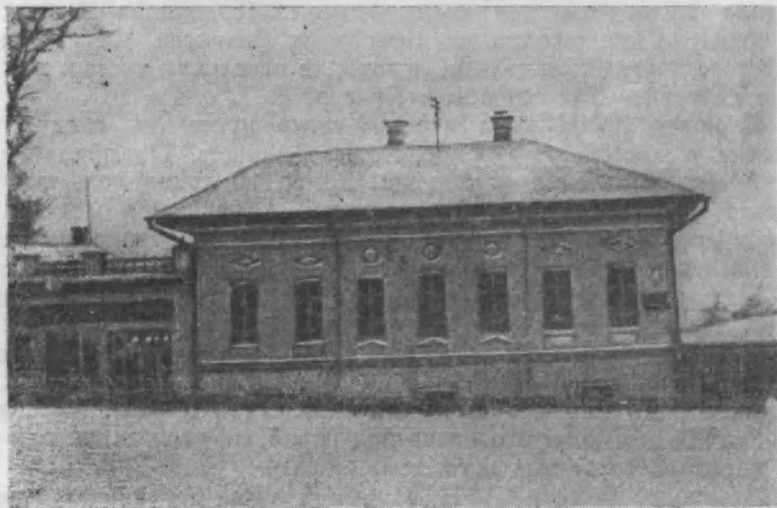
В городе, на горе, А. Н. Радищев видел старинную деревянную крепость с башнями, «в коих ворота». На городской площади перед собором, теперь не существующим, стояли двадцать чугунных пушек на лафетах. Видел А. Н. Радищев в Кунгуре «пушечки Ермаковы и ружья весом в пуд», топор, крюк, которым «за ребра вешали», и другие страшные орудия казни.

Кунгур был единственным городом на пути А. Н. Радищева в сибирскую ссылку и обратно, где он наблюдал на базаре книжную торговлю. По словам А. Н. Радищева, в городе бойко продавались такие книги, как «прологи, четиминеи, Квинта Курция, физиогномия».

Отец Кирилла Хлебникова умер, когда будущему путешественнику исполнилось десять лет. Мальчик рос среди мно-

гочисленных братьев и сестер (в семье Хлебниковых было восемь детей).

Дом, в котором родился и провел детские годы Кирилл Хлебников, сохранился до наших дней. Он стоит «под горой», где высокая возвышенность отступает от берега Сылвы. Недалеко от дома Хлебниковых находилось «лобное место» (помост, на котором совершались казни). Маленький Кирилл даже из окон родительского дома мог видеть, как били людей батогами, часто «на смерть», вырывали ноздри, как выставляли на посмешище праздной толпы должников с надетыми на них чугунными ошейниками.

Современный вид дома, в котором родился Кирилл Хлебников.

С малых лет единственной школой для Кирилла Хлебникова была сама жизнь. Кормильцами семьи после смерти отца были старшие братья Кирилла — Алексей и Иван. Любопытный Кирилл всегда с интересом прислушивался к рассказам старших братьев, людей бывалых, много ездивших по торговым делам.

Кунгур времен Кирилла Хлебникова стоял на большом торговом пути. В городе кипела бурная предпринимательская деятельность. Братья Кирилла ездили, главным образом, на Восток, в бескрайние казахстанские степи. У Хлебниковых име-

лось много родственников, их круг знакомств охватывал различные слои населения — местного и иногороднего. Рассказы о дальних странах, об успешных торговых экспедициях оставались в памяти мальчика.

Иногда предприимчивые кунгуряки привозили в свой город невольников — здоровых, молодых людей «кары-калпацкой» или «калмыцкой нации», которых они в далеких краях выменивали на товары. Невольником был и девятнадцатилетний Зиралгаш — после крещения Ефим Филиппов, живший в семье Хлебниковых. Зиралгаш рассказывал юному Кириллу Хлебникову много интересного о своей далекой родине.

Другой «домовой человек» или «дворовой человек» (так называли невольников старинные кунгурские документы) жил у брата Кирилла Хлебникова — Алексея. Он принадлежал к «калмыцкой нации» и в Кунгуре оказался «по указу Петропавловской крепости, вымененный на товар» в 1791 году. Калмык Булат, а по-русски (после крещения) Тимофей Алексеев, был еще моложе Зиралгаша. В Кунгуре ему едва исполнилось семнадцать лет. Со слезами на глазах рассказывал он Кириллу о своей родине.

Будущий путешественник с большим сочувствием относился к тяжелой судьбе невольников. Вместе с тем у него появилось непреодолимое желание побывать в далеких странах, своими глазами увидеть все то, о чем рассказывали Зиралгаш и Булат.

Братья обучили Кирилла грамоте. После этого ему стали доступны самые различные книги, и он читает их запоем, особенно книги по географии. Да и приятели у Кирилла подобрались хорошие: они тоже любили книги, умели их достать и поделиться друг с другом.

Не сохранилось никаких документов, семейных преданий и других материалов, которые могли бы осветить вопрос, чем занимался в Кунгуре молодой Кирилл Хлебников? Торговал ли он, состоял ли при каком-нибудь «деле» и т. д. Поэтому вопросы эти невольно приходится оставить в тени. Можно лишь предполагать, что по торговым делам в юности Кирилл Хлебников бывал в тех местах, откуда привезли в Кунгур Зиралгаша. Впоследствии путешественник писал, что Азия знакома ему «по всему протяжению Сибири от Киргиз-Кайсацкой степи до Якутска и в Камчатке».

Вся среда, окружавшая молодого Кирилла, начиная с близких людей, дышала энергией, активностью, была полна духом предпринимательства. Старший брат его — Алексей —

службу компании. Кирилл Хлебников и его друзья с радостью откликнулись на предложение поехать на берега Тихого океана, на таинственную Камчатку.

В морозное декабрьское утро 1800 года Кирилл Хлебников, Столбов и Кротов, в сопровождении «комиссионера» (агента) Российско-Американской компании, выехали из родного города. В Кунгуре тогда говорили, что молодые люди едут «на край света», родственники и знакомые заранее оплакивали их.

В Пермском областном архиве бережно хранятся «подорожные» Кирилла Хлебникова, то есть дорожные документы с гербами и печатями, удостоверяющие личность путешественника и его право на проезд. Никаких сведений о судьбе Столбова и Кротова обнаружить не удалось.

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ

Христофор Колумб в XV веке открыл Америку. Но он открыл ее восточное побережье. Западное и северо-западное долго оставались загадкой. Только через два века смелые и отважные русские мореходы и землепроходцы появились в Северо-Западной Америке и твердо встали на ее берегах.

Постепенно русские люди освоили и изучили американские земли, установили дружественные отношения с индейцами и другими племенами, торговали с ними.

В конце XVIII века русские торговые люди учредили крупную компанию для торговли на северо-востоке Азии и на северо-западе Америки. Душой этого дела был предприимчивый и умный рыльский купец Григорий Шелихов, прозванный современниками «русским Колумбом». На материке Америки дело Г. Шелихова продолжал каргопольский купец Александр Баранов, правитель русских колоний в Америке. Первоначально А. Баранов поселился на большом острове Кадьяк (недалеко от юго-восточного берега полуострова Аляски). Отсюда А. Баранов руководил заселением побережья Северо-Западной Америки.

Различные купеческие компании, промышленявшие морского зверя по берегам Тихого океана и на островах, открытых русскими мореходами, враждовали между собой, жаловались одна на другую. Все это вызывало в правительственных кругах Петербурга план слияния многих компаний в одну. Таким образом и возникла в 1799 году Российско-Американская компания. В бумагах Кирилла Хлебникова, хранящихся в Перм-

ском областном архиве, его собственной рукой записано: «Американская компания есть государственное общество, известное под фирмою Российско-Американской компании. Оно составилось из частных промысловых обществ, учредившихся после открытия командором Берингом Алеутских островов и Северо-западного берега Америки в 1741 году».

*Это происходило в Петербурге в мае в Правительственной Коллегии
в присутствии Коллежника Михаила Липина от 22-го марта по указу
Коллегии приговором № 10*

*Одно из дел; и при этом в том же году в 10-м месяце в Санкт-Петербурге, от-
куда был отправлен в Америку в 1800 году и капитан Кирилл Хлебников.
Вспомогательный врач великого князя Александра, великого князя
Александра Александровича и Персия. 17.*

*Великий князь Александр
Павлович Царский*

Александр Баранов

Отрывок из письма правителя русских колоний в Северо-Западной Америке Александра Баранова.

Российско-Американская компания получила в свое ведение огромную территорию в северной части Тихого океана. Она должна была освоить западное побережье океана к юго-востоку от полуострова Аляски. Существовал план закрепления России на Гавайских островах.

Александр Баранов, ставший правителем всех русских колоний в Северо-Западной Америке, прекрасно понимал необходимость создания на побережье океана сильного укрепленного пункта. Отсюда русские могли бы не только промышленять морских бобров, но и вести торг с индейскими племенами, главным образом тлинкитами (русские звали их колошами).

От английских и американских мореходов А. Баранов слышал о множестве морских бобров по северо-западному побережью. Он сам отправился осмотреть эти берега и убедился в правильности рассказов иностранцев. В одном из дальних заливов Баранов поставил на берегу большой крест и назвал этот залив Крестовским. Еще дальше этого места Баранов направил английского морехода Шильца, находившегося у него на службе.

Шильц установил торговые сношения с местными индейскими племенами. В Крестовском заливе он встретил английское купеческое судно «Артур» под командой капитана Барбера. Как вел торговлю с местными индейцами этот мореход, рассказал Шильцу один из предводителей тлинкитов. По

его словам, Барбер сначала заманивал своего гостя на корабль, поил его вином, а потом распорядился надеть на него кандалы. В таком положении «гость» находился до тех пор, пока не выдавал хищнику-мореходу всех бобров, как своих, так и принадлежавших подвластным индейцам. Такие недостойные способы «торговли» с индейскими племенами применял не только один Барбер, но и ряд других иностранных мореходов, на которых не раз жаловались русским предводителями (тойоны) индейцев.

Вид Павловской гавани на острове Кадьяк.

В добыче морского зверя русским помогали алеуты, коренные жители многочисленных островов, разбросанных на севере Тихого океана между Камчаткой и полуостровом Аляской. Они были непревзойденными охотниками на морских бобров.

В последние годы XVIII века А. Баранов направил с острова Кадьяк партии алеутов для промысла бобров в тех местах, где побывал ранее мореход Шильц. На своих быстрых лодках-байдарках алеуты доходили до острова Ситха, откуда привозили богатую добычу.

А. Баранов понимал, что закрепление русских на острове Ситха, занимавшем центральное положение на северо-западном побережье Тихого океана, давало возможность дальнейшего продвижения на юг. Он решил во что бы то ни стало завладеть Ситхой. В начале июля 1799 года около берегов Ситхи появились три русских парусных судна и значительная партия алеутов на 550 байдарках. На одном судне находился Баранов, руководивший экспедицией.

После встречи с тлинкитами, А. Баранов одарил их предводителя и просил уступить ему место на Ситхе для поселения

русских людей. При этом давалось обязательство защищать тлинкитов от вражеских нападений и доставлять им все нужное в их быту. Переговоры закончились успешно. Русские тотчас же начали постройку крепости.

Зимой А. Баранов стал замечать перемену в отношениях местных жителей к русским. На увеселения, которые устраивались в крепости для предводителей тлинкитов, гости стали приносить под плащами кинжалы. Они объясняли это существующими у них обычаями. Возникли подозрения. Заметим, что до прибытия экспедиции Баранова в Ситхе уже находились один американский и два английских корабля. Американский капитан, якобы в наказание, высадил одиннадцать матросов из своей команды на пустынный берег. Трех из них Баранов потом взял к себе на работу. Впоследствии выяснилось, что эти люди были шпионами.

Наступил 1801 год. Перед отъездом из Ситхи Баранов передал командование крепостью Василию Медведникову. Следующую промысловую экспедицию в Ситху возглавлял верный помощник А. Баранова предприимчивый и смелый Иван Кусков. Подарками он расположил к себе тлинкитов. Они показали ему все места, где в изобилии водились морские бобры.

Весной 1802 года В. Медведников отрядил около ста байдарок на промысел бобров. Многие охотники отправились добывать сивучей и нерп. В крепости осталась горстка защитников. Ничто не предвещало беды. В. Медведников, уверенный в расположении тлинкитов, никак не ожидал вероломного нападения на крепость. В июньский праздничный день он разрешил одним из своих людей идти на рыбную ловлю, другим — в лес за ягодами.

Этот момент и решили использовать тлинкиты для нападения на русскую крепость. О всем, что творилось в крепости, они узнавали от своих соплеменников, живших у русских.

Нападавшие, в количестве более тысячи человек, в тишине подошли к крепости. Для устрашения они раскрасили свои лица красной краской. На некоторых были надеты маски хищных зверей. Нападавшие открыли стрельбу из ружей, пустили в ход копыя и кинжалы.

В момент самого яростного натиска раздался пушечный выстрел. Тлинкиты дрогнули и остановились. Еще бы два-три выстрела и крепость с ее защитниками была бы спасена. Но стрелять было некому: Медведников и другие бойцы пали мертвыми. Кирилл Хлебников писал о защитниках крепости,

что все «они пали от пуль, кинжалов, копий и пламени, в мучении, но с честью».

Трагедия, разыгравшаяся в Ситхе, была организована англичанами и американцами.

А. Баранова не оставляла мысль возратить Ситху. Это удалось ему сделать только в 1804 году.

После взятия Ситхи центр укрепления острова был перенесен на новое место, на гору. Здесь и возникла столица Русской Америки — крепость Ново-Архангельск.

Весьма сложным для Русской Америки, то есть для русских колоний в Северо-Западной Америке, был вопрос о рабочей силе, о тех «промышленных», которые могли бы составить постоянные кадры промышленников. По отзыву начальника Охотского порта в 1815 году, «большая часть промышленных русских людей, пересылаемых компаниею на острова, состоит из самых величайших буянов, великих пьяниц и таких людей, кои собою были в тягость обществам». Посылать же на острова в качестве промысловиков свободных людей (отставных солдат, государственных крестьян и т. д.) царское правительство не разрешило Российско-Американской компании.

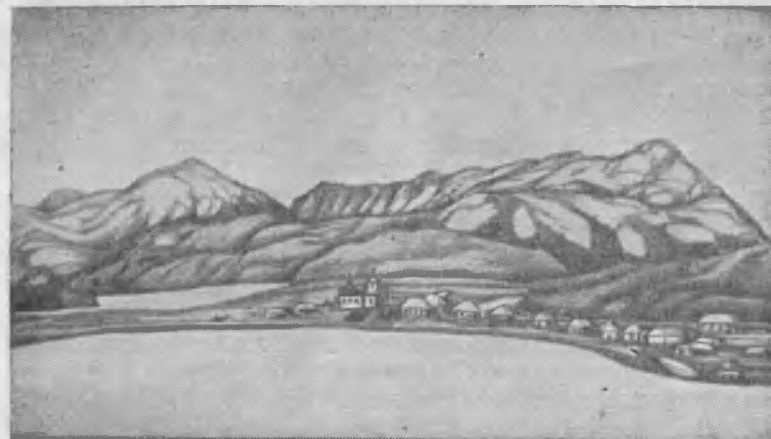
Местное население, находившееся на службе Российско-Американской компании, было на положении рабов. Сама компания признавала, что коренное население Русской Америки распалось на «действительно зависимых», «полузависимых» и «совершенно независимых».

Жившие на островах и на побережье Тихого океана, ближе к русским поселениям, алеуты и эскимосы испытывали наиболее тяжелую кабалу.

В начале двадцатых и сороковых годов прошлого столетия были изданы «правила» пользования рабским трудом коренного населения Русской Америки. Но они, конечно, не улучшили положение индейцев.

Эксплуатировали бедноту не только колонизаторы, но и тойоны местных народов. Русское начальство всячески старалось расположить тойонов к себе: подарками, наградами и даже определенным жалованьем (250 рублей ассигнациями в год). Они были своего рода надсмотрщиками над рабами-соплеменниками.

Важнейшим делом для Российско-Американской компании являлась транспортная связь между страной и ее отдаленными американскими колониями. В связи с этим вопрос о русских кругосветных плаваниях с заходом судов в порты

Вид Иллилюкского селения на острове Уналашка.

Русской Америки, приобрел исключительно большое значение.

Мысли о кругосветных экспедициях высказывал еще предприимчивый Григорий Шелихов. Потом этот вопрос поднял образованный мореплаватель И. Ф. Крузенштерн. В докладных записках Павлу I он подчеркивал важность кругосветных плаваний для торговых целей на Дальнем Востоке. По его мнению, развивавшиеся торговые связи с другими государствами требовали расширения мореплавания. Это, в свою очередь, диктовало потребность изучения морских путей.

Но докладные записки Крузенштерна остались без внимания. Уже при Александре I предложения мореплавателя о кругосветных путешествиях нашли поддержку морского министра адмирала Мордвинова и других высокопоставленных лиц.

В конце июля 1803 года из Кронштадта русские суда вышли в кругосветное плавание. Шлюпом «Надежда» командовал капитан-лейтенант И. Ф. Крузенштерн, а шлюпом «Нева» — его помощник капитан-лейтенант Ю. Ф. Лисянский.

Суда прошли Атлантический океан, обогнули Южную Америку и вышли в Тихий океан. От Гавайских островов «Надежда» направилась к Камчатке, а «Нева» — в Русскую Америку. Там капитан-лейтенант Лисянский помог прави-

телю русских колоний Баранову вернуть захваченную индейцами Ситху. Мореплаватель верно подметил основную причину нападения тлинкитов на Ситху. Он писал, что во главе индейцев стояли «три матроса, принадлежащие к Соединенным американским областям. Они, оставя суда свои, сперва вступили в службу компании, а потом перешли к нашим неприятелям».

В дальнейшем «Нева», взяв груз пушнины из Русской Америки, направилась в Китай, к Кантону, на соединение с другим русским судном.

В это время «Надежда», после возвращения с Камчатки, пыталась высадить русское посольство в Японии. Не по вине русских людей установить дипломатические связи с японцами оказалось невозможным. Сделав у берегов Японии и в других местах ряд научных исследований, «Надежда» направилась к Кантону.

Здесь корабли встретились. Выгодно продав пушнину и закупив китайских товаров, они пошли в западном направлении, к Африке, а потом направились на север, к берегам России.

Так закончилась первая русская кругосветная экспедиция, имевшая огромное значение для Русской Америки. Экспедиция финансировалась Российско-Американской компанией и, в половинной доле, правительством.

Русские мореплаватели показали всему миру свою отвагу и умение в морском деле. Промышленники Русской Америки увидели, что отечественные корабли могут снабжать их всем необходимым, могут вывозить из колоний местные товары, в первую очередь пушнину. В нужных случаях русские корабли могли оказать колониям верную защиту.

Первое кругосветное плавание русских имело, кроме экономического, и большое научное значение. В это время были открыты новые острова, мысы, проливы. Русские мореплаватели показали, что некоторые острова не существуют и должны быть стерты с географической карты. Свой путь моряки положили на карту, описали побережье Японии и многих других мест. Во время путешествия велись океанографические работы. В Атлантическом и Тихом океане русские открыли межпассатное противотечение. Они записывали данные о плотности и температуре воды на разных глубинах, определяли ее прозрачность и удельный вес. Отмечали метеорологические данные, а также сроки приливов и отливов морской воды.

Мореплаватели описывали встретившиеся им народы, собирали этнографические коллекции для музеев Академии наук. В Китае мореплаватели пробыли два месяца. За это время они собрали много ценных сведений о стране, подробно описали быт и нравы китайцев.

На острове Teneriff русские обратили внимание на весьма бедственное положение простых жителей. Наблюдая в Бразилии жизнь негров-невольников, они гневно осуждали рабство.

Все эти наблюдения, описания и исследования заставляют поставить первое кругосветное плавание русских в число исследовательских экспедиций.

Крузенштерн и Лисянский выпустили книги об этом путешествии. Кроме того, первый из них обобщил океанографические работы в особом издании «Атлас Южного моря», имевшем важное практическое значение для всех мореплавателей.

Второе плавание к берегам русской Америки было полукругосветным (корабль обратно не возвращался). Шлюп «Нева» под командой лейтенанта Л. Гагемейстера вышел из Кронштадта осенью 1806 года и через одиннадцать месяцев прибыл в Ново-Архангельск. Он привез для колоний продовольственный груз.

После Отечественной войны 1812 года состоялась третья кругосветная экспедиция русских — на этот раз на корабле «Суворов», под командой лейтенанта М. Лазарева.

Между командиром судна и правителем Русской Америки Барановым разгорелся инцидент, характерный для взаимоотношений офицеров-дворян и купцов из администрации Российско-Американской компании.

Вместо того, чтобы идти на Гавайские острова и захватить их, как намеревался сделать А. Баранов, лейтенант М. Лазарев пошел в Кронштадт. Раздосадованный правитель русских колоний приказал открыть огонь по «Суворову» из береговых батарей. Но стрельба не принесла вреда кораблю, и он ушел в Россию.

В 1816 году из Кронштадта вышел в кругосветное плавание корабль «Кутузов», под командой капитан-лейтенанта Гагемейстера. Через десять месяцев перед кораблем открылись берега острова Ситхи. У командира корабля было предписание Российско-Американской компании о смещении с должности А. Баранова. На место престарелого правителя

Русской Америки фактически стал Кирилл Хлебников, прибывший на корабле «Кутузов».

Четырнадцать кругосветных и полукругосветных плаваний совершили парусные суда Российско-Американской компании. Последнее из них было в 1840 году на корабле «Александр» под командой капитан-лейтенанта Д. Зарембо. Все эти плавания имели целью снабжать Русскую Америку продовольствием и необходимыми промышленными товарами.

Плавания брига «Рюрик», а также военных шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный» в Северный Ледовитый океан были организованы с научной целью.

Командовал «Рюриком» известный мореплаватель лейтенант О. Коцебу. Кроме других задач, он должен был обследовать Северный Ледовитый океан и попытаться пройти в Атлантический. Во время путешествия Коцебу открыл большой залив, названный его именем, не замеченный ранее опытными английскими мореплавателями, в том числе капитаном Куком.

О. Коцебу не видел путей обогнуть Америку с севера и вернулся в Берингово море. Там он произвел дополнительные исследования и направился к острову Уналашка, но, заболев, он не смог продолжать научные исследования. К заслугам Коцебу надо отнести то, что он открыл ископаемый лед. Ему же принадлежит мысль о прежнем соединении материков Азии и Америки. Предположение Коцебу подтвердилось в дальнейшем данными различных наук.

Помимо кругосветных плаваний, надо упомянуть о рейсах небольших торговых судов Российско-Американской компании в северной части Тихого океана. Эти суда забирали пушнину на Алеутских островах и на американском побережье и переправляли ее в Охотск. Кроме того, они привозили зерно и другие продовольственные товары из Калифорнии, Чили и даже с Гавайских островов в Русскую Америку.

Российско-Американская компания особое внимание уделяла торговле пушниной. Наиболее ценными считались шкурки морских и речных бобров, а также котиков. Славился мех чернобурых лисиц и голубых песцов. Предметами вывоза являлись также китовый ус и моржовая кость.

До тридцатых годов мало внимания обращалось на обработку звериных шкурок, поэтому они на мировом рынке шли по более низким ценам, чем шкурки, доставляемые англичанами и американцами. На это обратил внимание правитель Русской Америки Ф. Врангель. Обработка шкурок была

улучшена, благодаря этому цена их значительно поднялась.

В результате хищнического лова, морского зверя становилось все меньше и меньше. Российско-Американская компания, увеличивая заготовку пушнины, все больше стала интересоваться внутренними пространствами Русской Америки.

Для обследования местности между Кенайским заливом и бухтой Шахтоль компания в 1829 году снарядила экспедицию. Ее начальником поставили корпуса флотских штурманов прапорщика Ивана Васильева, помощником — ученика мореходства Петра Колмакова.

Иван Васильев измерял ширину рек, их глубину, определял скорость течения, толщину льда. Наряду с этим отмечались особенности берегов, характер растительности, велись измерения температуры воздуха, определялись широта и долгота местности, описывались пороги и водопады. Путешественники отметили большое количество промысловых зверей, нашли полезные ископаемые. Таким образом, русский мореплаватель Иван Васильев, состоявший на службе Российско-Американской компании, явился пионером изучения природы Северо-Западной Америки.

Получив от Ивана Васильева известие о множестве речных бобров на реке Кускоквим и ее притоках, управитель Александровского редута П. Колмаков снарядил туда торговую экспедицию. Товары и выменянные шкурки перевозились зимой на нартах, запряженных собаками.

С согласия индейцев Российско-Американская компания основала в 1833 году селение близ мыса Стефенса. Редут, защищающий поселение, был назван Михайловским.

В том же году была послана экспедиция для установления пути через горы и реки до Кенайского залива. Руководил экспедицией помощник мореходства креол Андрей Глазунов. В последующие годы он вместе с штурманом В. Малаховым прошел еще выше по реке Юкон и описал ее.

Не прошло и десяти лет после похода А. Глазунова, как в Северо-Западной Америке побывала новая русская экспедиция. Ее возглавлял всесторонне образованный морской офицер лейтенант Л. А. Загоскин, состоявший на службе Российско-Американской компании. Ему поручалось выяснить пути, по которым уходила из рук компании ценная пушнина. Надо было обследовать бассейн реки Юкон и реку Кускоквим с ее притоками.

Подготовка к экспедиции заняла много времени. Только в конце 1842 года путешественники тронулись в путь. Стояли

крепкие декабрьские морозы. Пять нарт, тяжело нагруженных снаряжением и продовольствием, везли собаки.

У Л. А. Загоскина установились дружеские отношения с индейцами. Благодаря этому исследователю удалось собрать ценнейший научный материал по материальной и духовной культуре, фольклору и языку индейцев. Материалы по экономике послужили для торговых целей Российско-Американской компании.

Исследователь всюду вел подробную опись пройденных мест, нанося их на карту. В условиях зимы он с трудом производил астрономические и метеорологические наблюдения. Л. А. Загоскин собирал материалы по геологии, ботанике и зоологии. Он вывез из Америки обширные коллекции по этим наукам и передал их, как и предметы быта индейцев, в музей Академии наук. Материалы, собранные Л. А. Загоскиным, были научно обработаны им и составили книгу «Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Загоскиным в 1842, 1843, 1844 гг.» Научные заслуги Л. А. Загоскина были отмечены Российской Академией наук, наградившей исследователя Демидовской премией.

Изучение внутренних пространств Русской Америки сопровождалось большими трудностями, а иногда трагедиями.

Например, вскоре после экспедиции Л. А. Загоскина, состоялся поход на реку Медную штурмана Р. Серебренникова, направленного туда Российско-Американской компанией. Индейцы радушно приняли путешественников. Экспедиция открыла несколько богатых месторождений меди и исследовала реку на значительном пространстве. Но вскоре Р. Серебренников и его спутники, кроме одного проводника, бесследно пропали. В дальнейшем выяснилось, что они были уничтожены немирными индейцами. Хорошо еще, что проводник отряда сохранил документы и научные материалы экспедиции. Он переправил их в Российско-Американскую компанию, и они были впоследствии опубликованы.

Компания все время жаловалась на убытки. Очень дорого стоили для нее первое и второе кругосветные плавания. Да и последующие обходились не дешево. Так, бухгалтер компании в 1824 году писал Кириллу Хлебникову, что корабль «Кутузов» привез в Русскую Америку товаров не более как на двести тысяч рублей, а «экспедиция та стоила компании без мала 800 тысяч наличными деньгами». Надо заметить, что грузоподъемность небольших судов Российско-Американской

компании была мала; это удорожало стоимость перевозимых товаров.

Администрация Российско-Американской компании занималась различными злоупотреблениями, хищениями. Еще капитан-лейтенант Головин писал по этому поводу: «Если бы все служащие в компании были столь же деятельны и усердны к ее пользе, как г. Баранов, то дела ее не шли бы так дурно, как теперь. Правительство доставляет ей все возможные способы повсюду получать чрезвычайные выгоды, но компания, употребляя во зло доверенность государя, дает лишь случай небольшому числу бездельников обогащаться, а акционеров дурачить».

В начале двадцатых годов прошлого века директора компании даже боялись рассмотрения годового отчета, так велики были их хищения.

Больших средств стоило содержание управленческого аппарата компании в Петербурге. Так, за двенадцать лет на это ушло более четырех миллионов рублей — вдвое больше того, что было израсходовано на все американские колонии за то же время.

А. Баранов, обогащая компанию, стремился к захвату новых земель. При этом дело шло не всегда гладко. На земли коренного населения были и другие претенденты: испанцы, англичане и «бостонцы» (американцы).

В 1812 году русским удалось закрепиться на самой границе Калифорнии. Там была основана колония Росс. Климат этой местности благоприятствовал развитию земледелия. На Калифорнию и колонию Росс смотрели, как на житницу Русской Америки. Здесь собирали обильный урожай пшеницы, выращивали арбузы, дыни.

Но не успела возникнуть колония Росс, как испанцы потребовали уничтожить селение. Дело дошло до пленения в 1815 году русских промышленников и алеутов близ Сан-Франциско.

Русские кругосветные экспедиции, державшие связь между Русской Америкой и Петербургом, несколько раз заходили на Гавайские острова. Русские промышленники, нуждавшиеся в хлебе и других продовольственных продуктах, с завистью взирали на все то, что давал вывоз с Гавайских островов (пшеницу, кофе, виноград, бананы, апельсины). Но попытка закрепиться на Гавайских островах по ряду причин оказалась для Российско-Американской компании невозможной.

Иностранцы со всех сторон все ближе и ближе подходили к русским владениям в Северо-Западной Америке. На юге, со стороны Калифорнии, это были американцы, а на юго-востоке — англичане.

Не помог делу и договор 1824—1825 годов, по которому иностранцы получали право торговать не только в прибрежных местностях, но и в глубине территории. Этот договор стоял в противоречии с уставом Российско-Американской компании, имевшей монополию на эту торговлю.

Время шло, и Русская Америка все более оказывалась в иностранных тисках. Крымская кампания показала слабость царской России в военном отношении. Защищать отдаленные русские колонии в Северо-Западной Америке прогнившей крепостнической России было невозможно. Вставал вопрос о продаже этой территории. Покупатель был налицо: Соединенные Штаты Америки. Продажа этой территории Соединенным Штатам имела известный дипломатический смысл.

По этому поводу К. Маркс писал: «Уступка русскими части Северной Америки была не чем иным, как дипломатической хитростью русского правительства...». Действительно, американцы отрезали в этом случае англичан от моря и ускорили возможность приобретения английских колоний в Северной Америке.

Наконец в 1867 году Русская Америка была продана Соединенным Штатам Америки на девяносто девять лет.

Русские владения составляли в Америке обширные земли. Российско-Американская компания, по словам советского историка С. Б. Окунь, «помогла не только открыть этот обширный район, но и укрепить в нем русское влияние, она помогла освоить и западное побережье Тихого океана, те естественные рубежи, где и сейчас СССР, великая тихоокеанская держава, бдительно охраняет жизненные интересы своих народов».

В истории Российско-Американской компании, которую академик Б. Д. Греков назвал эпопеей «великих географических открытий» запечатлены героические походы русских мореходов и землепроходцев.

КИРИЛЛ ХЛЕБНИКОВ НА КАМЧАТКЕ

Вернемся к тому моменту, когда молодой Кирилл Хлебников выехал в далекий путь из родного города. «Подорожная» давала ему право на «трех лошадей с проводником»,

которые и помчали молодого путешественника к таинственным берегам Тихого океана.

В Иркутске, где была крупная контора Российско-Американской компании, Хлебникова назначили торговым агентом компании на берега холодного Охотского моря, а потом еще дальше, на Камчатку. В этих необъятных, мало населенных местах, среди суровой девственной природы, непрерывно путешествуя по суше и морю, надо было организовать торговлю с местными народами.

Для этого представлялось необходимым как можно лучше и ближе узнать эти народы, познакомиться с их бытом, нравами и обычаями. Постепенно Хлебников становится вдумчивым наблюдателем и исследователем, а не только торговым агентом Российско-Американской компании.

Перед ним проходила вся жизнь тех народов, бок о бок с которыми он прожил четырнадцать лет.

В «Письмах о Камчатке», оставшихся ненапечатанными, Хлебников увлекательно рассказывает о природе, хозяйстве и населении далекой окраины.

На оленях и собаках объезжал Хлебников занесенные снегом стойбища эвенков, коряков, камчадалов, знакомился с их жизнью и бытом, внимательно изучал их экономику, материальную и духовную культуру.

Любознательный и бесстрашный путешественник не раз замерзал в холодной тундре, едва возвращаясь к жизни. Он проваливался под лед северных морей и рек, простужался и тяжело болел. В конце концов он нажил себе жестокий ревматизм, мучивший его всю жизнь.

Хлебников несколько раз объехал на собаках полуостров Камчатку, сделав более шести тысяч верст.

Прославленный мореплаватель капитан-лейтенант В. М. Головин вспоминает, что, будучи в Камчатке, он пользовался в разъездах самыми лучшими дорожными собаками из тех, что имел у себя для служебных надобностей Кирилл Хлебников. Таких собак было у него более семидесяти, и для всех он имел «приличную сбрую и санки». Поэтому, пишет Головин, комиссионер Российско-Американской компании Хлебников «считался одним из первых шеголей на экипажи сего рода». Головина и его спутников, оставивших корабль «Диану» и путешествовавших по Камчатке, Хлебников научил, «как править собаками». Он всюду сопровождал мореплавателей в их сухопутных путешествиях, давая необходимые справки и пояснения.

Будучи твердо уверен, что прилагаемая при сей дружеской записке безделица будет принята Кириллом Тимофеевичем, несмотря на малозначущность вещи, а на усердие, с каким просит принять его и употребить в память знакомства и дружбы к нему, посылает табакерку с вензельным своим именем почтаующий и преданный ему слуга Василий Головин. Аи слуга Вашин
— Головин

Мая 19, 1810

Петропавловская гавань

Записка мореплавателя В. М. Головнина Кириллу Хлебникову.

Командир «Дианы» был признателен Хлебникову за помощь и содействие в обследовании малоизвестной Камчатки. Перед отъездом с Камчатки Головнин не забыл о своем новом друге. Он оставил Хлебникову подарок и записку (хранится в Пермском областном архиве):

«Будучи твердо уверен, что прилагаемая при сей дружеской записке безделица будет принята Кириллом Тимофеевичем, несмотря на малозначущность вещи, а на усердие, с каким просит принять его и употребить в память знакомства и дружбы к нему, посылает табакерку с вензельным своим именем почтаующий и преданный ему слуга Василий Головин. Мая 19, 1810 г. Петропавловская гавань».

«Диана» под командой капитан-лейтенанта Головнина направилась к берегам Японии, чтобы установить добрососедские отношения с этой страной.

Но Головнин и его немногочисленные спутники были взяты японцами в плен. Долго томились русские мореплаватели в японской тюрьме. Пытались однажды бежать, но попытка не увенчалась успехом.

Друг Головнина лейтенант П. И. Рикорд, принявший

командование «Дианой», писал в то время Хлебникову (письмо — в Пермском областном архиве):

«Любезный друг Кирилл Тимофеевич. Письма и посылки ваши получил... Вы без сомнения будете поражены ужасно совсем невообразимой вестью. Пагубная доверчивость отлучила от нас известных вам наших друзей, я говорю отлучила, потому что питаюсь надеждой содействовать в их освобождении...»

После того как японцы узнали о разгроме русскими войсками «непобедимого» Наполеона и убедились в мощи своего великого соседа, Головнин и его спутники были освобождены и возвратились на родину.

Многое повидал Кирилл Хлебников в Охотском крае и на Камчатке.

Наблюдал он, как колышется в тундре пятитысячное стадо быстроногих оленей, ветвистые рога которых походили на кустарник, посохший от жестоких полярных морозов. Видел Хлебников медведей «по нескольку десятков вдруг». Это были настоящие медвежьи стада. Правда, медведи там были кроткие: они быстро убежали даже от нечаянного крика. Опасно было встретиться с грозным медведем невзначай и один на один, но судьба хранила смелого путешественника.

Однажды бурное море выкинуло на восточном берегу Камчатки мертвого кита, длина которого составляла 18 метров. Хлебникову редко приходилось видеть такого исполина в животном мире. Какой малюткой в сравнении с этим великаном казалась путешественнику красная камчатская мышь, умещавшаяся на его ладони.

Свыше тридцати лет жизни Хлебникова связано с морской стихией. Первый раз он увидел свинцовые волны Охотского моря в 1801 году и сразу познакомился с их коварной силой.

Не успел галиот (торговое двухмачтовое судно с острым килем) «Константин» выйти из устья реки Охоты, как с ним случилось несчастье. Нерасторопный командир судна упустил время отлива. Нагрывшие валы прилива бросили судно на банку (песчаную отмель) и жестоко били об нее. Громадные волны, беспрепятственно набегавшие с моря, заливали палубу галиота и постепенно придвинули его к берегу. После отлива судно оказалось на суше. Потребовалась большая работа по выгрузке с галиота всех товаров. Кроме того, нужно было исправить повреждения. Только после всего этого с величайшим трудом сняли галиот с берега, и он снова закачался на волнах бурного Охотского моря.

Так получил Хлебников первое морское «крещение». Но это было лишь начало.

В мае 1807 года, несколько освоившись в новой обстановке, Хлебников вышел на небольшом парусном боте «Ростислав» из Петропавловской гавани в море. Судну предстояло обогнуть полуостров Камчатку и держать курс на Охотск. Погода была ветреная, и бот развивал большую скорость.

Вместе с Хлебниковым на судне плыл естествоиспытатель Г. И. Лангсдорф, будущий русский академик, исследователь природы и населения Бразилии (Лангсдорф остался на Камчатке после первого русского кругосветного плавания Крузенштерна и Лисянского).

Путешественники мирно сидели в маленькой каюте «Ростислава» и пили чай. Вдруг они почувствовали страшный по своей силе удар по судну. Шутки и разговоры оборвались на полуслове.

В мгновение ока вся команда судна была наверху.

В этот момент боцман увидал за бортом... огромного кита! Оказывается, рулевой не заметил спящего великана моря, и бот ударил его со страшной силой. Разбуженный кит в свою очередь мощным хвостом дал основательную «сдачу» маленькому судну, составлявшему едва половину великана моря. Удар был настолько силен, что путешественники уже думали о гибели. Но русские плотники крепко построили бот и он выдержал серьезное испытание. Раненый кит издал тяжелый стон и выпустил фонтан окровавленной зловонной жидкости. По прибытии в Охотский порт судно осмотрели и увидели, что фальшкиль был сбит мощным ударом морского великана.

1 июня «Ростислав» находился в 60 километрах от Охотска. Спустилась темная и холодная ночь. Часов около десяти послышался необыкновенный шум волн и крики команды. Оказывается, судно затерли льды, которые в темноте остались незамеченными. Лишь с рассветом, пользуясь веслами, удалось освободиться из ледового плена.

Каждый раз при маловетрии с наступлением темноты повторялась та же картина. Две недели боролись путешественники с окружавшими их льдами. Только свежий ветер спас мореплавателей.

В начале октября того же 1807 года Хлебников перенес жуткие минуты во время кораблекрушения при реке Камчатке.

Бриг «Ситха», тяжело груженный ценной пушниной, направлялся в крупнейший китайский порт Кантон. Морские просторы встретили мореплавателей жестоким штормом.

2 октября судно оказалось в устье реки Камчатки. На другой день разыгрались трагические события. Морским течением, при отливе, «Ситха» была поставлена вдоль песчаной отмели. Волны, набегавшие с моря, жестоко били несчастное судно. Командир «Ситхи», бенгалец де Сильва, признал положение судна отчаянным. Потеряв надежду спасти корабль, он приказал спустить на воду небольшую шлюпку, чтобы сохранить жизнь людей. Однако среди разбушевавшейся стихии это было нелегко сделать.

Как только шлюпка коснулась морских волн, в нее бросились несколько человек, в том числе и Хлебников. Шлюпку сразу отбросило набежавшей волной. Люди, собрав последние силы, начали вычерпывать воду из лодки кто чем мог: фуражками и даже горстями рук. Моряки, оставшиеся на бриге, взбирались на мачты и зывали о помощи.

На берегу реки Камчатки собрались местные жители. Они с ужасом наблюдали, как бриг кидало на мели с одной стороны на другую. Им удалось послать к гибнущему судну байдарку, которая и спасла несчастных.

Вскоре волны перебросили бриг через мель, течение подхватило его и понесло к Кроноцкому мысу. Страшный удар о прибрежные скалы положил конец «Ситхе». Люди, спасшиеся на шлюпке, никак не могли откачать воду. Их утлая ладья начала тонуть. Умеющие плавать направились к берегу. На помощь остальным, пренебрегая бурунами, бросились смельчаки из толпы наблюдателей.

— Оцепеневшие от мокроты и стужи, — вспоминает Хлебников, — моряки, обогрелись «в объятиях сострадательных людей», местных жителей.

Люди с «Ситхи» лишились, конечно, всего имущества. В виде курьеза Хлебников вспоминает, что море выбросило одну из вещей его верхнего платья. Хозяин вещи, не терявший юмора в тяжелые минуты, сделал на ней надпись:

«Вот памятник от «Ситхи»,
А больше нет ни нитки».

Склонность преуменьшать свои силы и способности была характерной чертой Хлебникова. О себе он не любил говорить и писать. Когда судно «Ситха» потерпело крушение и

Хлебников едва спасся от смерти, друзья-мореплаватели, простые люди с Камчатки, упрекали его за краткость сообщения о катастрофе. Так, 23 апреля 1807 года Яков Потапов писал из Петропавловской гавани: «Получение от вас эстафеты о несчастном приключении с вами и судном «Сидхою», вы можете вообразить ту горесть и прискорбие, коим объаты были приемлющие в вас участие. Очень жаль, что вы все потеряли, но еще осталось у вас доброй ум, хорошее сердце и смирение... иначе не спаслись бы вы на ялике из сильных бурунов. Письмо ваше в рассуждении всех обстоятельств кораблекрушения показалось нам очень кратким, не знаем как были у вас брошены якоря, тогда как при зашедшем ветре (судно) стало дрейфовать или вы были так близко, что не успели, а после уже отнята была и возможность».

Фактория Российско-Американской компании в заливе Аян.

В Камчатский период своей жизни Хлебников немало испытал бедствий и приключений не только на море, но и на суше.

Однажды зимой он с проводниками-камчадалами выехал на собаках из Петропавловска в селение Пушино. Дорогой разыгралась такая сильная метель, что путники были вынуждены заночевать в поле. В небольшой ложбине они раскопали снег и набросали туда хвой. Ложе для ночлега показало

лось им даже уютным. Они закутались в теплые меха и заснули.

Вот тут-то и начались приключения. Крепкий сон был прерван: Хлебников и его спутники почувствовали себя в холодной, можно сказать, ледяной ванне. Оказывается, ложбина была на месте небольшой, но быстрой реки. Ее так занесло снегом, что путники в темноте никак не могли разобрать, где они устроили ночлег.

Первый испуг сменился чувством пронизывающего холода: Хлебников промок до нитки. Кругом бушевала снежная буря, жестокий мороз сковывал члены. Кое-как развели огонь для просушки мокрой одежды. Чтобы согреться, Хлебников взял у проводников лыжи и ходил на них до изнеможения. С рассветом буря утихла. Путники посмеялись над своим ночным приключением и продолжали путь на собаках.

Второй раз, тоже в пургу, был такой случай. Спутник Хлебникова ехал впереди, но в темноте его санки и собаки совсем не были видны. При одном сильном порыве ветра Хлебников инстинктивно задержал санки и начал звать своего путника.

Через некоторое время откуда-то издали раздались ответный крик. Хлебников подумал о несчастье. И действительно, когда погода несколько утихла и он смог отправиться на поиски, то обнаружил, что его спутник вместе с санками и собаками на полном ходу рухнул под утес. К счастью, он отделался лишь испугом и даже не ушибся, попав на пушистое снежное ложе.

Однажды Хлебников поехал на своих прекрасных собаках из Нижне-Камчатска в Тигиль. Дело было весной. Ехать пришлось по льду реки Камчатки, местами протаявшему. Но полыньи были скрыты от глаз слоем рыхлого снега, выпавшего недавно.

Нужно же было так сложиться обстоятельствам, что собаки помчались по снегу именно по полынье! Хлебников поздно заметил опасность, не успел крикнуть на собак и в следующий момент увидел их плавающими в полынье. В то же время лед под санками заметно стал оседать. Мысль о спасении собак заставила седока ослабить поводья. Умные собаки вылезли на лед, но ледяное поле в этот момент угрожающе затрещало. Хлебников закричал на своих верных собак, они сильно рванули тонущие санки и... выдернули их из-под седока. Путешественник остался на льду, между полыньями. Хорошо, что в руках ездока остался оштал. Эта кривая палка,

заменяющая вожжи, помогла ему добраться до собак и благополучно сесть в санки.

Но ехать оказалось невозможно: собаки так обессидели, что не трогались с места. Пришлось подняться с реки в тундру, выкопать в снегу яму и залечь спать. Хлебников тесно прижался к проводнику камчадалу и так они согревались. Огня и теплого платья они не имели. Ночью путники так замерзли, что принуждены были встать и долго бродить из стороны в сторону, чтобы согреться. Как только рассвело, без дороги поехали дальше.

Предстояло подняться на страшный Тигильский хребет, всегда поражавший путников неожиданными препятствиями. Исключения не было и на этот раз. На вершине хребта крутились жестокие вихри со снегом. Не оставалось ничего делать, как опрокинуть санки и лежать на одном месте, рядом с собаками, переждать непогоду. Питаться пришлось юколой, запасенной для собак.

Как только непогода кончилась, путники перевалили коварный Тигильский хребет, но натолкнулись на новое препятствие. На западной стороне гор совершенно не оказалось снега, исчезнувшего под палящими лучами вешнего солнца. В этих условиях собаки с санками оказались совершенно неподходящим видом транспорта. Путешественники вынуждены были вернуться в Нижне-Камчатск, напрасно потратив время на преодоление более чем полтысячи километров.

Но самым утомительным во всей своей жизни Хлебников считал такой поход. В конце мая 1803 года, будучи еще малоопытным путешественником, шел он на лыжах из Ямской крепости к месту зимовки судна Российско-Американской компании в устье залива. Надо было преодолеть по льду около восьми километров. В весенних условиях дело это оказалось очень сложным. Идти было трудно, лыжи проваливались в раскисший снег до самого льда. Мокрый снег приставал к лыжам и поднять ногу было просто невозможно. Молодой путешественник, чтобы двинуться дальше, проделывал сложные физкультурные упражнения. Он опускал руки на лед и, опираясь на них, подымал одну ногу за другой. При этом надо было зорко смотреть, чтобы не попасть в полынью.

Только к вечеру Хлебников пришел на место, сделав за весь день всего восемь километров пути. Выйдя на берег, он упал от изнурения сил.

Большая опасность угрожала Хлебникову, когда однажды после жаркой бани он решил искупаться в весенних водах

Камчатки. Хлебников шел по отмели по пояс в воде. Вдруг он оступился, попал на глубокое место и быстрым течением его понесло на середину реки. С берега вовремя заметили, что пловец все реже и реже появляется на поверхности воды, и бросились к нему на помощь.

На Камчатке Хлебников был постоянным гостем камчадалских юрт, тунгусских и коряцких жилищ из оленьих кож. Он наблюдал характерные пляски камчадалов, слышал иступленные крики якутских, тунгусских, коряцких и камчадалских шаманов, в изнеможении падавших на землю после своих радений.

Уехав с Камчатки, Кирилл Хлебников не забывал ее обитателей и нередко помогал им.

В конце двадцатых годов, будучи уже правителем Ново-Архангельской конторы, Хлебников завязал тесные связи с Калифорнией. Он вывозил оттуда продовольствие для Русской Америки, но кое-что уделял и Камчатке. Это видно, например, из письма лейтенанта П. Кузмищева, который в сентябре 1829 года благодарил своего друга от лица «всей Камчатки» за присланный хлеб в зерне.

На Камчатке остался воспитанник Кирилла Хлебникова по фамилии Выходцев. В дружеском письме лейтенант П. Кузмищев сообщал в Русскую Америку, что он будет наделелять Выходцева в случае нужды, как наделелял бы его отец. «Третьего года я познакомился с ним, — продолжал Павел Кузмищев, — он очень бравой и исправной молодец; в том крае он особенно замечен и препозлезен, ибо обучает других грамоте; впрочем, он и во всей Камчатке отличен своим воспитанием и образованием, каких мне не случалось здесь видеть ни в мещанских, ни в духовного звания детях».

Недавно в Ленинграде, в публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, была найдена рукопись неизвестного автора — «Письма о Камчатке». На рукописи имеется надпись: «Сии описания сочинял правитель Американской компании, живший в Камчатке 14 лет». Других указаний на автора «Писем о Камчатке» не имеется. Но стоит ознакомиться с текстом рукописи, чтобы сразу назвать его сочинителя, — это Кирилл Хлебников. В стиле Хлебникова было не ставить фамилию на своих трудах, или в лучшем случае сохранять на них лишь инициалы: «К. Х.» или «К. Т. Х.».

Эти инициалы говорят об исключительной скромности автора, нигде не учившегося писательскому мастерству, но вместе с тем владевшего красивым и увлекательным рассказом.

Недаром знаменитый мореплаватель Ф. П. Врангель писал своему другу по поводу его большого письма: «Беседа Ваша нам (Ф. П. Врангелю и его жене — Б. В.) так нравилась, что ни малейшей не чувствовали усталости продолжать прогулку до Кунгура и назад».

Сочинение Хлебникова о Камчатке написано в виде писем. «Милостивый государь, — начинает автор свой труд, — позвольте мне представить свои замечания: сперва о пути туда, а потом и о самой Камчатке. Свободное иногда время, одинаковость и новизна предметов родили во мне желание иметь в памяти места и их обстоятельства; а потому, извлекая оные, с натуры и повестей верных записывал, и где нужны точности, занимал из знаменитых путешественников».

Несколько слов о «пути туда» (на Камчатку). Кирилл Хлебников составлял свои «Письма» через семьдесят лет после выхода в свет знаменитого «Описания Земли Камчатки» Степана Крашенинникова, друга великого русского ученого М. В. Ломоносова. Историк Миллер не нашел в труде С. Крашенинникова ответа на вопрос «когда и как он на Камчатку отправлен». Хлебников, как бы учтя это, старательно описал свой путь на Камчатку.

Автор рассказывает об обитателях Курильских островов — камчадалах, курильцах, японцах. Подробно описывает он жителей Камчатки, ее природу.

В последней главе путешественник передает, как в его время выглядел главный город Камчатки — Петропавловск, и описывает пути-дороги, которыми он пересекал много раз весь полуостров.

ЖИЗНЬ В РУССКОЙ АМЕРИКЕ

Всевозможные болезни, особенно ревматизм, нажитый во время путешествий, бедствия на суше и море, постоянные опасности так расстроили здоровье Кирилла Хлебникова, что он решил вернуться к себе на родину, в Кунгур.

Дорогой он задержался в Иркутской конторе Российско-Американской компании. Отсюда Хлебникова, как пишет журналист Н. Полевой, вызвали в Петербург и «предложили место правителя главной конторы в Америке».

В свете новых материалов это не совсем так. В Петербург вызывали бывшего комиссионера Российско-Американской компании не для «ласки и награды». Хлебникову объявили, что за ним числится многотысячный долг (в отчете не

были приняты во внимание документы лиц, которым Хлебников доверял). Единственным средством покрыть недостачу денег было снова поехать в дальние края и отслужить компании.

Федор Шемелин, бывший приказчик Северо-Восточной Американской компании, соратник Григория Шелихова, совершивший кругосветное плавание под начальством Крузенштерна, писал в то время Хлебникову: «Верю вам, что решение ваших счетов нам тягостно... Это, любезный мой друг, не другое что, как следствие слишком снисходительной души вашей к нуждам ближнего...»

За чужие долги Хлебников поехал служить в Русскую Америку. По приезде туда он узнал, что дельцы из Российско-Американской компании сменили «кнут на пряник» и долг с него сняли.

7 сентября 1816 года на корабле «Кутузов» Кирилл Хлебников отправился в Русскую Америку, замыкая тем самым свое хождение вокруг света. Вел корабль капитан-лейтенант Л. А. Гагемейстер. «Кутузов» направился к мысу Горн, чтобы обогнуть Южную Америку и взять курс на Ново-Архангельск, столицу Русской Америки.

Не успели мореплаватели распрощаться с Европой, как начался шторм. Близ Оркнейских островов «Кутузов» вошел в полосу бури. Буря была настолько сильной, что не позволяла управлять парусами. Двое суток жестокие порывы ветра трепали корабль. Было холодно — шел то дождь, то снег. Приходилось лавировать в узких проливах, ежеминутно рискуя разбиться о прибрежные скалы. В ночной темноте моряки боялись столкнуться с другими кораблями, захваченными бурей в том же районе.

Л. А. Гагемейстер, находясь все время наверху, зорко всматривался в темноту ночи и твердой рукой вел корабль по опасному пути. Наконец, все беды кончились. Буря утихла, и старый мореплаватель, вздохнув с облегчением, спустился и себе в каюту. За всю свою жизнь он не помнил такого ужасного шторма.

Высокие горы Огненной Земли Хлебников увидел в начале февраля 1817 года. Южный океан встретил мореплавателей крайне неприветливо. Сильный ветер перешел в жестокий шторм, продолжавшийся шесть суток. Огромной величины волны, по словам Хлебникова, походили на «движущиеся горы на горах, разделяемые безднами».

Как-то утром одна такая волна-громада всей своей силой обрушилась на корабль и остановила его. Легкое крепление вмиг было поломано, а слабо державшееся полетело за борт. Пострадали даже толстые, шлифованные стекла в люке. Вода ринулась в кают-компанию. Все было там залито. Только к вечеру страшная буря утихла.

Через год и два с половиной месяца после выхода из Кронштадта мореплаватели увидели конечную цель своего путешествия — остров Ситху. Но не так-то просто оказалось вступить на твердую почву Американского материка. Дул крепчайший зюйд-ост (юго-восточный ветер). Он не позволял пристать к берегу. Оставалось, закрепив поврежденные паруса и руль, ложиться в дрейф и терпеливо ждать перемены ветра.

Наконец, Хлебников в столице Русской Америки — в Ново-Архангельском порту. Он принял дела и капиталы из рук престарелого Александра Баранова и проводил его в далекий путь. Возвращаясь на родину, Баранов умер на корабле «Кутузов» в Зондском проливе. Тело его было опущено в глубокое море.

После смерти Баранова, каргопольского купца, на должность правителя русских колоний в Америке стали назначать только военных моряков. Первым из них был капитан-лейтенант Гагемейстер. Он назначил своим помощником Кирилл Хлебникова и передал ему все хозяйственные дела.

Документы Пермского областного архива рисуют кипучую деятельность Кирилла Хлебникова в Новом Свете. Он установил торговые сношения с Калифорнией и южно-американскими странами, открывал школы и ясли для детей туземного населения, собирал коллекции по ботанике, зоологии и этнографии, направляя их в Российскую Академию наук.

Шестнадцать лет прожил Кирилл Хлебников в Русской Америке. Он объехал на кораблях компании все западное побережье, побывал в Калифорнии, Мексике, Перу, Чили, не говоря уже о различных уголках Русской Америки. Позже он посетил и Бразилию.

Все это время приключения не оставляли правителя Ново-Архангельской конторы Российско-Американской компании.

Однажды в сильный ветер, на тяжело груженной байдаре ехал он из Сан-Франциско через опасный залив. Огромные волны почти заливали утлое суденышко. К тому же, кожаная обшивка байдары была прорвана около киля. Но починка отверстия длиной с пол-аршина из-за отсутствия иголок и ниток

Вид центральной части Ново-Архангельска.

оказалась невозможной. Байдара летела со скоростью не менее 40 километров в час. Напором валов прорванный лоскут кожи давило внутрь, и вода не заливалась в байдару. Но стоило ветру ослабнуть хоть на секунду, путники немедленно стали бы добычей моря. И действительно, как только байдара пристала к кораблю, лоскут кожи отстал, вода хлынула в байдару, которая начала тонуть. Но команда корабля предотвратила несчастье.

Смелый путешественник говорил про себя, что он «в буквальном смысле испытал огонь и воду» — столько разных приключений и опасностей прошел он на своем веку.

По должности правителя Ново-Архангельской конторы, находившейся в центре Русской Америки на острове Баранова, Кирилл Хлебников все время был занят хозяйственными делами.

Труд «промышленных» оплачивался натурой — пушиной, которую они добывали для компании, но продавать пушнину рабочие могли только той же самой Российско-Американской компании. Плата за нее была очень низкой. Кроме того, за пушнину выдавались не деньги, а особые марки, бывшие в ходу только при расплате в компанейских магазинах. Эта неприкрытая система эксплуатации была отменена в 1815 году. После этого каждый рабочий ежегодно стал получать ассигнациями 300 рублей. Кирилл Хлебников подсчитал, какие при этом «выгоды» получили рабочие. Оказалось, что заработная плата снизилась на двадцать процентов.

Питание рабочих людей было скудное. Не хватало соли. Хлеб выдавался в самом ограниченном количестве. В письмах архива Хлебникова часто встречаются просьбы жителей Ситхи: «Голодаем, скорее привезите нам хлеба». Сложным делом представлялось снабжать русские колонии в Америке промышленными и продовольственными товарами. Все, что доставлялось в Ново-Архангельск, почти полностью там и раскупалось. На отдаленные острова почти ничего не попадало.

План Ново-Архангельска.

Близко сталкиваясь с индейцами, алеутами и другими местными народами, Кирилл Хлебников всегда гуманно относился к ним, стараясь помочь в любом деле.

Тяжелые социальные условия вели к большой смертности местного населения. Так, за четверть века, по сведениям Хлебникова, алеуты убыли на одну треть. Эти данные относятся только к одному острову Кадьяк, но и на других островах и на побережье океана алеутам жилось не лучше.

Индейцев раздражала монополия торговли Российско-Американской компании. Русские платили за пушнину меньше, чем иностранцы, которым компания не разрешала торговать с индейцами. Если русские давали за бобра четыре аршина сукна, то иностранцы — восемь аршин, да прибавляли еще зеркала, ножи и другую мелочь. В более отдаленных местах за двух бобров русские давали индейцам-тлинкитам одну дешевую китайскую камлею и немного бисера. Отсюда видно, по каким низким ценам выменивалась пушнина у индейцев.

Монополия компании на покупку шкурок морского зверя приводила нередко к столкновениям русских с индейцами-тлинкитами. Но русские избегали кровопролития и не обостряли отношений с соседями. Этого правила всегда держался и Кирилл Хлебников.

Особой группой населения, с которой приходилось иметь дело Кириллу Хлебникову, были креолы. Они возникли от браков русских мужчин с женщинами коренного населения. Их называли «колониальными гражданами». Положение креолов среди прочих групп населения вначале было довольно независимым. Но постепенно Российско-Американская компания урезывала их права. По уставу компании 1844 года от независимости креолов ничего не осталось.

Из писем к Хлебникову видно, что за 20—30 лет до устава 1844 года многих молодых креолов часто отправляли в Петербург для обучения медицине, мореплаванию и различным ремеслам. Кирилл Хлебников всячески поддерживал этих молодых людей.

В 1824 году креолы Чеченов и Ларионов были студентами медико-хирургической академии. Александр Кашеваров, талантливый юноша, сын русского учителя с острова Кадьяк и алеутки, прекрасно учился в Штурманском училище в Кронштадте. Осип Нецветаев и Илья Чеченов обучались на Охтенской верфи. Один креол готовился быть инструментальщиком, другой — ружейником, третий — слесарем. Лет за пять до этого правитель русских колоний в Америке, лейтенант С. Яновский писал Хлебникову с острова Уналашки: «Препровождаю к Вам на шлюпе «Константин» пятеро мальчиков из креол».

Их надлежало одеть за счет компании, а затем поручить надзор за ними кому-нибудь из стариков. В школе они должны были научиться читать и писать. Кстати, сам лейтенант был женат на креолке, дочери правителя русских колоний в Америке Баранова.

Креолы были здоровыми, энергичными людьми, способными к различным видам труда и наукам. Это решительно опровергает тех ученых-расистов, которые считают вредными скрещивания далеких рас. В русской Америке креолы зарекомендовали себя стойкими инициативными людьми, много сделавшими для изучения родного края. Это изучение было необходимо для развития торговли и поднятия производительных сил отдаленной территории России. Например, Андрей Глазунов, креол, обученный в колониях, возглавил экспедиции по изучению приморского района от залива Нортон до залива Кускоквим. Пройденный путь он положил на карту, а также описал дельту большой реки Юкоп.

Еще при Баранове креол Андрей Климовский был послан на обучение в Кронштадт, где окончил Штурманское училище. Вернувшись в Русскую Америку, он плывал на судах Российско-Американской компании, проводил научно-практические работы. Так, в 1819 году он исследовал реку Медную. В конце двадцатых — начале тридцатых годов прошлого века Андрей Климовский работал на Охотском море. Он исследовал Шантарские острова и принял участие в их описании.

Креол Александр Кашеваров тоже был «воспитанником Российско-Американской компании». Как и Андрей Климовский, на средства этой компании он окончил Кронштадтское штурманское училище. Плавал вокруг света и на севере Тихого океана, спускаясь на юг до Калифорнии. Бывший «воспитанник» компании получил широкую известность своим походом на шести байдарках вдоль северного побережья Аляски. Во время этого путешествия он составил подробную опись пройденного пути. Александр Кашеваров открыл также новые земли: берег Меньшикова, мыс Степового, заливы: Прокофьева и Куприянова.

В половине прошлого столетия неутомимый мореплаватель был прикомандирован к Гидрографическому департаменту. В Петербурге он составил известный «Атлас Восточного океана с Охотским и Беринговыми морями». По напечатании этого труда ученый-мореплаватель снова стремится на берега тихоокеанских морей. Семь лет он был начальником Аянского порта на побережье Охотского моря. Там А. Каше-

варов оказал значительную помощь мореплавателю Г. И. Невельскому, присоединившему к России остров Сахалин и Приамурский край. В дальнейшем Кашеваров снова был в Петербурге на работе в Гидрографическом департаменте.

Среди различных групп населения Русской Америки надо отметить православное духовенство. Вначале наследники Шелихова сами просили направлять в колонии монахов и священников для «просвещения диких». Но, по мере того как Российско-Американская компания все больше и больше укреплялась, она теряла вкус к насаждению среди местного населения православия, а больше заботилась о коммерческих делах.

Главное правление компании осторожно стало противодействовать посылке духовных лиц в колонии. Тем более, что постройка церквей и содержание белого и черного духовенства (священников и монахов) обходились компании довольно дорого. Кроме того, духовенство, подчиняясь своему церковному начальству, писало в Петербург жалобы, занималось доносами. Все это портило отношения между гражданскими властями и духовенством.

В архиве Кирилла Хлебникова сохранились записки правителя Кадыкской конторы Степана Никифорова, в которых он немало строк посвятил своим взаимоотношениям с местным священником и монахами. Он писал про них: «Одного двора собаки — ни дня не проживем без драки». Правитель конторы С. Никифоров возмущался недостойным поведением монахов и священника. Пастыри церкви занимались не столько «духовными» делами, сколько самыми мирскими: кляузами, доносами, перепродажей ценных шкур.

Еще уполномоченный компании камергер Н. Резанов заставлял духовенство вести богослужение на родном языке населения. Но пастыри церкви не шли на это.

Редким исключением в этом отношении был друг Кирилла Хлебникова священник Иван Вениаминов, живший на острове Уналашке. Он близко познакомился с алеутами своего района. Изучил их язык, быт, нравы. Перевел на алеутский язык несколько духовных книг и богослужение вел на родном языке населения. И. Вениаминов написал большое сочинение по этнографии алеутов, изданное Академией наук и переведенное на несколько иностранных языков. Труд самодеятельного ученого Русской Америки не потерял значения до наших дней.

Небольшие суда Российско-Американской компании, плававшие на севере Тихого океана, занимались преимущественно перевозкой пушнины. Но иногда они получали задания исследовательского порядка, тем более, что командиры отдельных кораблей плавали раньше на судах, выполнявших научные задания.

Много сделали простые русские люди, служащие компании, для изучения огромных просторов Русской Америки.

Из инструкций главных правителей русских владений в Америке видны маршруты и цели путешествий Кирилла Хлебникова. В конце мая 1824 года флота капитан-лейтенант и кавалер М. Муравьев предписывал правителю Ново-Архангельской конторы: «На бриге «Байкал» вы отправитесь к берегам Калифорнии в качестве помощника главного правителя и суперкарга [заведывающий нагрузкой и выгрузкой]; бриг «Булгаков» в непродолжительном времени пойдет туда же и хотя будет иметь комиссионера Молвистова, но он в своих действиях будет зависеть от ваших распоряжений».

Известный мореплаватель Ф. П. Врангель, в бытность свою правителем русских колоний в Америке, писал Кириллу Хлебникову: «Прошу вас собрать сведения насчет хлебной торговли по мексиканскому берегу, которые на будущее время могут быть нам полезны в случае неурожая в Калифорнии и неудобства посылать в южное полушарие за пшеницей. Если будет случай, то прошу также узнать о новом заселении англичан в «Заливе обсерватории» и продают ли колошам порох, свинец и ружья».

Русская Америка не могла жить без привозного хлеба. Калифорния, снабжавшая жителей Севера прекрасной пшеницей, при неурожае сама голодала. Поэтому важно было заранее обеспечить себя и узнать, не может ли при случае выручить Мексика?

У правителя Ново-Архангельской конторы всюду были обширные знакомства и крепкие связи. Никто лучше Хлебникова не мог выполнить поручения Ф. Врангеля.

Кроме казенных поручений, у Кирилла Хлебникова оказывалось много «своих дел». В его записной книжке, например, имелись такие пометки: 1) собрать любопытные камни, минералы, 2) засушить местные растения, составить из них гербарий, 3) наловить бабочек, жуков, маленьких колибри.

В Пермском областном архиве хранится письмо неперменного секретаря Академии наук академика Фуса с благо-

дарностью Кириллу Хлебникову за доставленные в Академию наук различные коллекции.

Первые поступления коллекций от Кирилла Хлебникова в Академию наук относятся к 1831 году. В этом году Зоологический музей принял посылки из Русской Америки с коллекциями насекомых. В 1833 году в тот же музей поступили мексиканские сборы насекомых от того же натуралиста — любителя науки.

Поступления различных объектов американской фауны продолжались и в последующие годы. Так, в 1837 году Зоологический музей получил от Хлебникова образец выделанной кожи кита и засушенного ската, в 1838 году — редкий экземпляр шкурки морского бобра-альбиноса. К 1838 году относится письмо Хлебникову иркутского старожила и служавшего иркутской конторы Акима Титова, который сообщал: «По мнению вашему, белую выдру действительно следует иметь в Академии, как величайшую редкость: из частных торговых никто еще не выдывал подобной».

Кирилл Хлебников присылал в Петербург коллекции минералов и растений, различные этнографические предметы, среди которых были: парадные одежды тунгусов с берегов Охотского моря, многочисленные костюмы с Алеутских островов, полный монгольский костюм и т. д. До настоящего времени в Ленинграде, в Музее антропологии и этнографии имени Петра I, можно видеть вещи, присланные Хлебниковым из далекой Русской Америки. Таковы, например, алеутские шляпа и лук с острова Кадьяк.

Работая на Камчатке и в Русской Америке, Кирилл Хлебников именовал себя «купцом второй гильдии». На самом деле он был «мещанский сын». Его отец ничем не торговал в Кунгуре, а занимал, как уже говорилось, должность городского головы. Однако быть мещанином Хлебникову, в его положении, казалось «ззорным», и он предпочитал слыть за купца.

В 1825 году Хлебникову присвоили чин коммерции советника. При этом упустили из виду его принадлежность к мещанскому сословию. По законам царского времени, он, как мещанин, не мог быть произведен в присвоенный ему чин. Выход из неудобного положения нашли в том, что наградили Хлебникова золотой медалью на Владимирской ленте. После этого Кунгурская мещанская управа просила о переводе его в купеческое сословие.

В Русской Америке Кирилл Хлебников сталкивался со многими интересными людьми, мореплавателями, промышленниками. Знаменитый мореплаватель Ф. П. Литке, один из основателей Русского географического общества и многолетний президент Академии наук, во время своего плавания вокруг света на военном шлюпе «Сенявин», пробыл в Ново-Архангельске в 1827 году больше месяца. Он остался весьма благодарен Кириллу Хлебникову за ознакомление с «подробными записками, составленными им в пятнадцатилетнее его в том краю пребывание». Из этих записок будущий президент Академии наук почерпнул сведения об островах Прибылова, о природных условиях Русской Америки.

Кирилл Хлебников глубоко интересовался не только природными условиями, но и жизнью коренных народов Русской Америки. Он изучал их языки, нравы, обычаи, «посещал шалаши Колошей и Индейцев Нового Албиона, землянки Лисьевских алеут и Кадьякские кажимы», видел пляски «воинские Колюж, звероловецкие Алеут и веселые незлоблिवых Индейцев Калифорнии».

Капитан А. П. Лазарев во время кругосветного плавания в 1822—1824 гг. на шлюпе «Ладога» побывал в порту св. Франциска (ныне город Сан-Франциско в США). Он наблюдал там небезвыгодный промысел русских в испанских владениях.

«Хлебников, — писал А. П. Лазарев, — для выгод компании воспользовался смутными обстоятельствами в правлении Калифорнии, успел сделать условие с губернатором оной о свободном позволении промышлять бобров в заливе св. Франциска... Хлебников в двухмесячное свое здесь пребывание успел промыслить до 300 бобров, из коих половину должен был отдать на шхуну, присланную от губернатора».

Кирилл Хлебников, ежегодно бывая в Калифорнии по делам закупки хлеба для Русской Америки, заводил там прочные знакомства. Особенное внимание он обратил на влиятельных испанских монахов. Изучив испанский язык, он много времени проводил в разговорах с ними. Хлебников интересовался составлением словарей индейских племен, природой Калифорнии, ее историей. Впоследствии он использовал все эти сведения в своем печатном труде о Калифорнии.

Сохранилась секретная инструкция Хлебникову от главного правителя флота лейтенанта Яновского. Он направлял правителя Ново-Архангельской конторы на бриге «Ильмень» для торговли с испанцами Новой Калифорнии. Выполняя инструк-

Селение „Росс“ в Русской Америке.

цию, Хлебников быстро установил дружеские отношения с нужными людьми, что помогло развитию торговли.

В неурожайные годы, когда сама Калифорния испытывала недостаток продовольствия, предприимчивый правитель Ново-Архангельской конторы завязал торговые сношения с Чили. Оттуда он вывозил пшеницу для колоний по цене еще более дешевой, чем из Калифорнии.

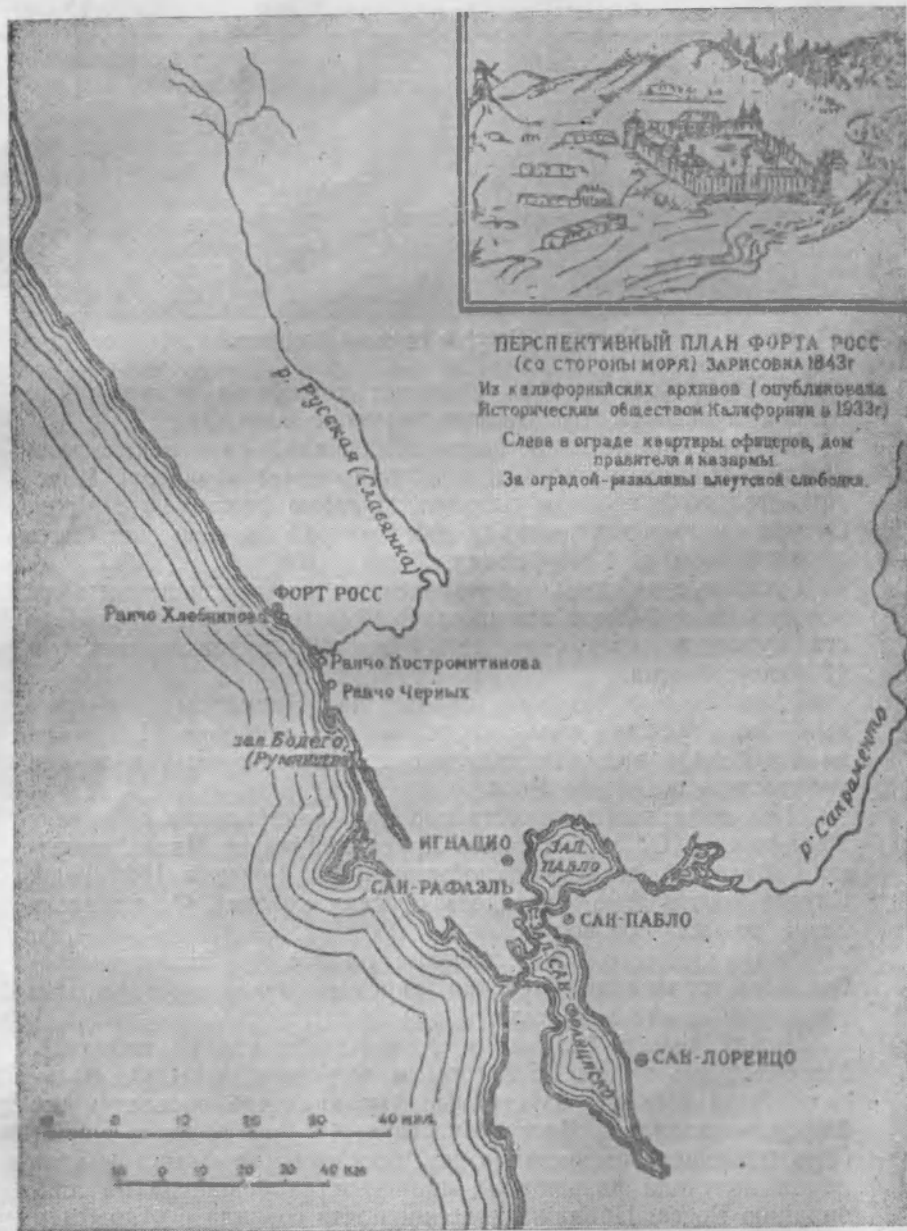
Русские с каждым годом засевали в своей колонии Росс все больше и больше пшеницы. В 1825 году было засеяно до ста пудов, а через семь лет — уже 420 пудов пшеницы и 40 пудов ячменя.

Торговля с испанцами, налаженная Кириллом Хлебниковым, была выгодна и для русских, и для испанцев. Испанские власти делали вид, что забыли о своем недавнем требовании уничтожить поселение Росс.

Назревала необходимость прочного закрепления русских в Калифорнии. Об этом говорил друг Хлебникова Иван Завалишин, будущий декабрист, побывавший в Россе в 1824 году. Спустя десятилетие правитель русских колоний Ф. Врангель снова поднял этот вопрос.

Для успешного осуществления планов Ф. Врангеля требовалось признание Мексики царским правительством. Но последнее на это не пошло.

Между тем в 1836 году Калифорния стала свободной. Мексиканские власти, с которыми вел переговоры Ф. Врангель, были изгнаны из страны. Американские поселения все ближе подходили к Россу. Чувствуя, что эта колония может быть поглощена американцами, Российско-Американская компания получила разрешение министерства финансов на ликвидацию Росса. Продажа колонии почти совпала с открытием в Калифорнии золотых россыпей.

ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ПЛАН ФОРТА РОСС
(со стороны моря) зарисован 1843г.

Из калифорнийских архивов (опубликована Историческим обществом Калифорнии в 1933г.)

Слева в ограде — квартиры офицеров, дом правителя и казармы.
За оградой — развалины алеутской слободки.

План форта „Росс“ и карта Калифорнии.

Архив Хлебникова проливает некоторый свет на общественно-политические и литературные интересы русских людей (на Камчатке и в Русской Америке), окружавших летописца Российско-Американской компании. Сохранилось письмо с Камчатки лейтенанта П. Кузмищева, помощника областного начальника. В июне 1831 года он сообщил Хлебникову в Русскую Америку старые политические известия (Алжир взят французами и т. д.). Кроме того, он писал: «Петр Давыдович прошлого года сказывал мне, что вы давно желаете прочесть образцовую ненапечатанную комедию «Горе от ума». Поверив этому, я приказал ее списать и теперь к вам посылаю. Не взыщите за ошибки правописания, лучшего грамотея не нашел». Хлебников очень дорожил этим списком комедии; он увез его из Русской Америки в Петербург, бережно хранил и завещал родному городу.

Из другого письма лейтенанта П. Кузмищева видно, что его камчатский друг, живший теперь в Русской Америке, чрезвычайно ценил «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. «Горе от ума» и «Евгений Онегин» были любимым чтением правителя Ново-Архангельской конторы; эти произведения всегда лежали на его письменном столе.

К пребыванию в Русской Америке относится начало писательской деятельности Кирилла Хлебникова. Мореплавателю Ф. Литке, встречавшийся в 1827 году с Хлебниковым в Русской Америке, читал интересные научные записки правителя Ново-Архангельской конторы об Америке. В журнале «Сын отечества» за 1829 год появились его обстоятельные «Записки о Калифорнии». Но трудно было продолжать эту работу без книг, журналов, без общения с учеными и литераторами.

Срок пребывания Кирилла Хлебникова в Новом Свете давно кончился. Директора компании упрашивали старожилы Русской Америки еще там поработать, но он не согласился на это.

20 ноября 1832 года на военном транспорте «Америка», командовал которым капитан-лейтенант В. С. Храмченко, Кирилл Хлебников выехал в Россию, навсегда оставив Русскую Америку.

ДЕКАБРИСТЫ И А. С. ПУШКИН В ЖИЗНИ КИРИЛЛА ХЛЕБНИКОВА. ЕГО КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ.

Находясь в Русской Америке, Хлебников не чувствовал нависшей над ним грозы. Это был памятный 1825 год, когда декабристы выступили против царского самовластия.

При обыске у лейтенанта 8-го флотского экипажа Дмитрия Завалишина жандармы нашли копию его письма к Кириллу Хлебникову. Этого было достаточно, чтобы имя Хлебникова попало в список тайной полиции, в так называемый «Алфавит декабристов».

О Завалишине в «Алфавите декабристов» было записано следующее: «К тайному обществу не принадлежал, но о существовании и о цели сделать переворот в государстве знал. Не донес об Обществе, гнушаясь имени предателя и не желая погубить членов». Далее излагались подробности преступления. Завалишин был осужден к лишению чинов, дворянства и к ссылке в «каторжную работу вечно». Затем, по царскому указу, Завалишина должны были «оставить в работе 20 лет, а потом обратить на поселение в Сибири».

О Хлебникове в «Алфавите декабристов» сообщалось:

«Хлебников Кирилл Тимофеев. В числе бумаг Завалишина оказалась копия с письма его, писанного 14-го июля 1824 г. из Охотска в Ситху к Хлебникову. Оно написано в духе предсказания о приближающемся времени величия и славы его, Завалишина, когда все с гордостью говорить станут, что знали его, будут угадывать и объяснять тайные мысли и непонятность дотоле его поведения. Говоря, что он знает, что не сердце, а уста людей готовы чтить его, и что не допустит обмануть себя, — предваряет Хлебникова, чтобы он был тверд о нем и заключает тем: «Если жив буду, сам воздам, ежели умру — мои воздадут», и «молю всевышнего, да укрепит меня и не допустит ослабнуть, дабы живу или мертву достигнуть мне цели своей. Молю вас, да и вы молитесь о мне, и тогда послужит вам в пользу, что я теперь пишу к вам».

При допросе в комиссии Завалишин говорил, что ответа от Хлебникова не имел и что писал сие, будто по поводу намерения учредить Орден восстановления, на что и спрашивал позволения покойного государя».

«Комиссия оставила сие без внимания», то есть удовлетворилась показаниями Завалишина, и дело о Хлебникове прекратила.

После приезда в 1833 году в Петербург из Русской Америки Кирилл Хлебников некоторое время состоял правителем дел, а затем одним из директоров Российско-Американской компании. В Петербурге Хлебников создал свои важнейшие научные труды, которые дали ему право называться «летописцем Российско-Американской компании».

Кроме обстоятельных «Записок о Калифорнии», перу Ки-

рилла Хлебникова принадлежат «Жизнеописание Г. И. Шелихова», книга об Александре Баранове и другие интересные сочинения.

Кирилл Хлебников прошел большой «университет жизни». Это помогло ему стать образованнейшим человеком своего времени. Его друзьями были прославленные мореплаватели, крупные писатели и ученые.

Один журналист, вспоминая, как он обедал однажды у Хлебникова в Петербурге, писал: «Тут были Врангель и все моряки. Мы ели устрицы, запивали портером, и я не видал, как пролетело несколько часов. Преспокойно рассказывали тут о Мексике, Перу, Исландии, Мадрасе, Кантоне, — эти люди все это сами видели!»

В Ленинграде, в Пушкинском доме Академии наук СССР, хранится письмо Кирилла Хлебникова к А. С. Пушкину. До советского времени оно оставалось неизвестным и впервые было опубликовано только в 1937 году. Хлебников писал в нем: «Милостивый Государь Александр Сергеевич.

Один из здешних литераторов, будучи у меня в квартире, прочитал писанное мною для себя введение в историческое обозрение Российских владений в Америке, и не знаю почему, одобрив его, советовал напечатать в Вашем или другом журнале, принимая на себя труд передать мою рукопись.

Не привыкши к посредничеству, я решил представить Вам, Милостивый Государь, эту записку и, если Вы удостоите ее прочесть и найдете достойною поместить в Вашем журнале, тогда предоставляю ее в Ваше полное распоряжение с покорнейшею просьбою поправить неисправимый слог человека, не готовившегося стать писателем и почти полудикаря.

Если бы случилось, что некоторые мысли мои будут противны Вашим, тогда их можно уничтожить, но буде Вам угодно будет на что-либо пояснения, тогда по первой повестке за особенную честь себе поставлю явиться к Вам, или куда назначите, для ответа.

Извините меня, Милостивый Государь, что осмелился беспокоить Вас вызовом моим с предоставлением ничтожного маранья.

Мое дело было и есть удивляться Вашим образцовым произведениям, с которыми ознакомился, проживая в Новом Свете, и которые обязали меня быть к Вам всегда с полным уважением и преданностью, Милостивый Государь, покорнейшим слугой, Кирилл Хлебников.

Января 7 дня 1837 года».

Великий русский поэт интересовался в это время Камчаткой, историей «Камчатского Ермака» — Владимира Атласова. Рукопись Хлебникова, много лет прожившего на Камчатке, была очень созвучна интересам поэта, собиравшегося написать работу об открытии Камчатки.

Кирилл Хлебников в письме к Пушкину называет свой слог «неисправимым», а себя «полудикарем». То и другое, конечно, несправедливо. Достаточно сослаться на записку писателя Ротчева, найденную недавно в архиве Хлебникова.

«Мой почтеннейший Кирилл Тимофеевич, — пишет Ротчев. — Я прочел Вашу рукопись; положив руку на сердце, я смею уверить Вас, что поправлять ее нечего, очень грустно будет, если Вы не убедитесь и отдадите ее какому-нибудь моднику-литератору или журналисту записному **отлачивать** (подчеркнуто Ротчевым — **Б. В.**).

Я сказал от души, что думаю. Вам преданный Ротчев».

Записка эта без даты, но несомненно, она относится к петербургскому периоду жизни Хлебникова. Возможно, Ротчев получил для правки и читал ту самую рукопись, которая была послана А. С. Пушкину.

По дате письма Хлебникова видно, что оно было написано за три недели до трагической гибели А. С. Пушкина. За этот короткий срок поэт едва ли что успел сделать с полученной рукописью. В следующем году умер и Кирилл Хлебников.

Рукопись оказалась в Главном управлении Российско-Американской компании в Петербурге. В дальнейшем она попала в руки директора компании Прокофьева, после смерти которого его наследники продали ее торговцу старыми книгами. Впоследствии известный писатель по вопросам морской истории А. П. Соколов нашел эту рукопись у книжного торговца, купил ее и издал под заглавием «Записки К. Хлебникова об Америке».

Кирилл Хлебников умер в Петербурге, в ночь на 15 апреля 1838 года.

Еще накануне он чувствовал себя здоровым, был бодр и весел. В погожий апрельский день его не мучили даже обычные ревматические боли. Окончив трудовой день, Хлебников направился на обед к своему сослуживцу и другу — Ф. П. Врангелю. Там уже был старый знакомый Хлебникова мореплаватель И. Васильев.

В воспоминаниях о Русской Америке, о былых днях и делах русских людей на Северо-Западе Нового Света обед и время до вечера пробежали незаметно.

К. Хлебников простился с хлебосольными хозяевами и вместе с Васильевым вышел на улицу. Не успели они сделать несколько шагов по тротуару, как Хлебников почувствовал себя плохо. Васильев чуть успел подхватить его под руку. Хлебникова, потерявшего сознание, внесли в квартиру Врангеля. Были приняты все меры, чтобы вернуть к жизни Кирилла Хлебникова, но ничто не помогло.

Похоронен был прославленный путешественник на известном Волковом кладбище.

На другой день после смерти Кирилла Хлебникова в его служебный кабинет вошли директора Российско-Американской компании. В их присутствии был вскрыт ящик письменного стола, где на видном месте нашли завещание.

По этому документу Кирилл Хлебников передавал все свои географические карты, печатные и «от руки деланные», картины, писанные масляными красками, в том числе портрет самого завещателя, трубу зрительную, микроскопы, всю библиотеку и архив в распоряжение города Кунгура. Городскому самоуправлению Хлебников завещал крупную сумму денег на поддержание одиноких матерей и на открытие приюта для сирот.

«Я надеюсь, — писал в завещании Кирилл Хлебников, — что кунгурское городское общество не будет невнимательно к желанию моему способствовать образованию нового поколения моих сограждан и назначит для хранения книг особую комнату и, поручив под надзор честному человеку, будет стараться об умножении и содержании в порядке библиотеки».

Библиотека Хлебникова, кроме книг, имела более двух тысяч писем и записок разных лиц на русском и иностранных языках. Она включала также пять связок неразобранных бумаг, дипломы на звание члена-корреспондента Академии наук в Петербурге и члена Вольно-экономического общества. В краткой описи особо был выделен рукописный экземпляр комедии Грибоедова «Горе от ума». Эту комедию Кирилл Хлебников читал еще в Русской Америке, бережно хранил ее и привез в Петербург.

16 апреля 1840 года в Кунгуре открылась городская общественная библиотека. В основу ее были положены книги (875 томов), принадлежавшие Хлебникову.

Пермский либеральный общественный деятель Д. Д. Смышляев писал в свое время: «Книги, завещанные Хлебниковым для городской библиотеки, по большей части представляли весьма редкие и дорогие издания на иностранных языках,

преимущественно английском и испанском, приобретенные им во время дальних путешествий. Много их было расхищено, по всей вероятности, ради картинок, при них находившихся».

Одно время, по-видимому, возникло даже судебное дело о расхищении книг ценной библиотеки.

В семидесятых годах прошлого столетия Д. Д. Смышляев поднял вопрос о том, почему «кунгурская библиотека, инициатива которой и основной книжный фонд принадлежат столь замечательному человеку, каким был Хлебников, не названа по его имени, Хлебниковскою?»

Вскоре библиотека стала носить имя своего основателя. Каталог библиотеки, изданный незадолго до революции, охватывал более четырехсот страниц убористого шрифта.

Книги Хлебникова, переданные Кунгуру, как уже отмечалось, расхищались. Не составляли исключения и рукописи. Только в советское время благодаря заботам архивиста-краеведа А. А. Мишарина остатки хлебниковского архива были приведены в порядок, подшиты и подклеены. В настоящее время архив Кирилла Хлебникова хранится в Пермском областном архиве.

Кирилл Хлебников был не только крупным путешественником, но и талантливым писателем. Вся деятельность его проникнута верой в силы русских людей. «Со временем, — писал он, — когда в России, шествующей исполинскими шагами по пути просвещения, все устремится на то, что приносит благосостояние и обогащение империи, распространится и процветет главная ветвь народного богатства: купеческое мореплавание, и мы, следуя другим торговым народам, пройдем по далеким морям на своих судах, своими купцами и людьми построенных и ими же управляемых, тогда только узнают цену тех мест, на которые ныне столь мало обращают внимания, и потомки наши, статья может, назовут нас недальновидными».

Мещанский сын, служащий Российско-Американской компании, путешественник, ученый — таков жизненный профиль Кирилла Хлебникова. В поисках «лучшей жизни» пошел он на «край света». На Камчатке сложился его торговый, коммерческий опыт. Соприкасаясь там же с путешественниками, мореплавателями, учеными, он расширил и углубил свои научные интересы.

В Русскую Америку Кирилл Хлебников приехал опытным администратором, знатоком торговли, любителем науки.

Общение с такими широкообразованными людьми, как

Иван Вениаминов, Ф. Врангель, Ф. Литке и другими, благотворно повлияло на дальнейшее развитие научных интересов Кирилла Хлебникова. Изучение английского и испанского языков помогло ему хорошо узнать культуру англичан и испанцев, установить связи с этими народами в Америке.

Частые путешествия по колониям, в Калифорнию и в страны Южной Америки расширяли географические познания любознательного кунгуряка. Знакомство с этими странами, изучение их позволяло Хлебникову собрать материал для географического описания соседних территорий. При этом путешественник давал общие комплексные характеристики стран и народов.

Некоторые работы Хлебникова имели экономико-географический уклон. Промышленность, сельское хозяйство, торговля — эти вопросы всегда интересовали старожилу Русской Америки.

Академия наук в Петербурге, принимая во внимание научную и практическую деятельность Хлебникова, избрала его своим членом-корреспондентом.

Большие заслуги Хлебникова перед наукой отмечают и наши, советские ученые. Так, геолого-географическое отделение Академии наук СССР, давая отзыв о Хлебникове, 22 августа 1952 года писало: «Долгие годы он работал в различных районах Сибири и на Камчатке. В 1816 году К. Т. Хлебников совершил кругосветное путешествие, а в позднейшие годы посетил плохо тогда изученные страны Южной и Северной Америки (Мексику, Бразилию, Перу, Чили), а также ряд тихоокеанских островов».

Собранные им зоологические и этнографические коллекции пополнили соответственные музеи Российской Академии наук.

К. Т. Хлебников на протяжении 16 лет управлял русскими землями в Америке, а в 1835 году он был назначен одним из директоров Российско-Американской компании, игравшей важнейшую роль в деле хозяйственного освоения Аляски и других русских владений на Американском материке.

В период работы К. Т. Хлебникова в Российско-Американском обществе оно осуществило крупные культурные мероприятия, создав для алеутов, эскимосов и других коренных наций Северной Америки школы и сделав многое для приобщения их к русской культуре».

Далее отделение геолого-географических наук отмечает, что «К. Т. Хлебников был достаточно крупным прогрессивным деятелем начала XIX века».

Как бы обращаясь к потомкам знаменитого путешественника, к его землякам, отделение геолого-географических наук писало: «Совершенно очевидно, что для г. Кунгура, где родился К. Т. Хлебников и которому он пожертвовал свою личную библиотеку, составившую начало ныне существующей публичной библиотеки, К. Т. Хлебников является знатным земляком, заслуживающим увековечения его памяти».

Письма Кирилла Хлебникова и письма других людей к нему рисуют обаятельный образ скромного, простого русского человека, у которого везде находились друзья. Перед отъездом из Русской Америки, например, Кирилл Хлебников получил очень много писем от своих старых друзей, вместе с которыми он делил опасности во время своих многочисленных путешествий. Все они спешили передать своему другу, а иногда и спасителю горячие пожелания счастливой жизни.

Заниматься литературной деятельностью Кирилл Хлебников начал еще в Русской Америке. Там он составил всестороннее описание Калифорнии.

Интересно по этому сочинению Кирилла Хлебникова проследить за событиями того времени.

Калифорния тогда составляла провинцию Мексики и делилась на Верхнюю, или Старую, и Новую Калифорнию. В Старой Калифорнии была всего одна крепость, или «президия», а в Новой — четыре «президии» под управлением комендантов. В крепостях находились гарнизоны.

Существовали еще миссии, или заведения для обращения индейцев в христианскую веру. Кирилл Хлебников писал, что «при обращении диких не всегда употреблялись меры насилия». Любопытно выражение «не всегда»; значит, «насилие» в этих случаях считалось обычным явлением.

По словам Хлебникова, индейцы сами приходили в миссии. Но, оказывается, заставляла их идти сюда не любовь к вере христовой, а голод.

Индейцы выполняли в миссиях самые тяжелые работы. Чтобы пополнить миссии рабами, испанские воинские отряды устраивали настоящую охоту на индейцев. При этом индейцы отчаянно защищались. С обеих сторон на месте битвы оставались раненые и убитые. Кирилл Хлебников видел в теле испанских солдат каменные копья индейских стрел.

В своих «Записках о Калифорнии» Хлебников подробно описывает благодатную природу Калифорнии, население страны, его нравы и обычаи.

Внутренняя торговля шла в Калифорнии очень вяло. Продавали лошадей и рогатый скот, спирт и вина, мыло и свечи, грубые одеяла.

С 1821 года в Калифорнии существовала свободная торговля для всех наций. До десятка кораблей, английских и американских, привозили сюда товары из Калькутты, Кантона, Бостона, Ливерпуля. За проданные товары взыскивалась большая пошлина. При «хорошем устройстве», отмечал Кирилл Хлебников, из Калифорнии можно было бы вывозить множество промышленного и сельскохозяйственного сырья.

Хлебников дает подробное описание образа жизни индейцев, или «диких», как называли их тогда. В конце «Записок о Калифорнии» приводится «Известие о реке Колорадо».

Второе описание заморских стран, которое оставил нам Кирилл Хлебников, касалось Бразилии. В этой стране он побывал в 1833 году, возвращаясь из Русской Америки на родину.

Описывая тропическую природу Бразилии, путешественник восклицал: «Боже мой! Какая страна эта Бразилия! Здесь небо, и земля, и воздух, и море — все для нас чуждо! На небе, усеянном звездами, не видно нашей Полярной звезды и Ориона, Взамен того, блещит величественный Южный крест и отличаются густой тенью облака Магелланово и Капское».

Всего «прелестнее» и всего «несноснее», по словам Кирилла Хлебникова, были в Бразилии насекомые: «Светящиеся червячки и бабочки, ползая и перелетая по кустарникам в сумраке вечера и темноте ночи, пленяли своим блеском. Дневные бабочки и жуки многочисленны и очаровательной красоты; они и из меня, старика, делали чуть-чуть не резвого ребенка, приохачивая за собой гоняться. В коллекции они безподобны».

В городе Рио-де-Жанейро, вместе с другими русскими путешественниками, Хлебников побывал в музее на Площади Чести. Здесь он видел бальзамированные головы бразильцев и новозеландцев, мантии и головные уборы бразильцев, предметы быта африканских негров, а также разные вещи с Алеутских островов, хорошо знакомые Кириллу Хлебникову.

Русский путешественник пожелал обменять некоторые предметы из своих коллекций на экспонаты музея. Но при встрече с директором музея оказалось, что последний не мог «прилично соответствовать» русскому посетителю. Перевес был явно на стороне русского, и директор музея поспешил записать полученное от путешественника как «дар». Кирилл

Хлебников писал по этому поводу: «Правда, что я не имею в виду честолюбия жертвовать Бразилиянам, но не хотел и спорить, должен был сделать по их предложению, из народной гордости, и бросить им, как говорится, пыль в глаза».

Насколько заслуживали похвалы чистота и опрятность в содержании редкостей в музее, настолько было «непростительно невежество служащих при музее чиновников», — отмечал Кирилл Хлебников. «Я не мог узнать от них, — писал он, — ни названия минералов, ни места их произведения».

Интересно, сохранились ли до наших дней в музее столицы Бразилии вещи, пожертвованные Кириллом Хлебниковым? Он передал туда до семидесяти минералов с Северо-Западного берега Америки, маски индейцев, «латы деревянные Коллошские» и несколько серебряных русских монет.

Ряд работ Кирилла Хлебникова посвящен истории, географии и этнографии Русской Америки. Интересны его жизнеописания выдающихся русских деятелей в Новом Свете — Г. И. Шелихова и А. А. Баранова.

Районом неутомимой деятельности Григория Шелихова были Камчатка, Курильские острова и главным образом Северо-Запад Америки с прилежащими островами. «С умом, свойственным государственному человеку, он, — писал Кирилл Хлебников, — поставил главнейшею целью упрочить для отечества занятые острова, привести обитателей их в подданство России, завести оседлость, где только возможно, и потом уж заботиться о собственных выгодах и приобретениях новых сокровищ в странах отдаленных».

Об Александре Баранове, о его деятельности в Русской Америке Кирилл Хлебников написал целую книгу. Посвящая этот труд адмиралу Н. С. Мордвинову, автор так объяснял причины появления своей книги: «Находясь на службе Российско-Американской компании с начала текущего столетия, я был отправлен в 1816 году из Санктпетербурга комиссионером на корабле «Кутузов» в колонии ее и еще застал там почтенного Александра Андреевича Баранова». Здесь впервые Кирилл Хлебников лично узнал первого правителя русских колоний в Америке. Раньше, будучи на Камчатке комиссионером Российско-Американской компании, он только переписывался с Барановым.

После смерти престарелого А. Баранова Кирилл Хлебников стал «правителем главной конторы в Ново-Архангельске, с начала 1818 до исхода 1832 года». Но его функции были особенные: будучи правителем только Ново-Архангельской кон-

торы, он занимался делами «по всем Конторам и Отделам». При этом правитель Ново-Архангельской конторы «неприметно познакомился со всеми его [то есть А. Баранова] действиями и даже намерениями».

По словам Хлебникова, главный правитель Русской Америки Ф. П. Врангель пожелал, чтобы описание дел А. Баранова, «достойных внимания и похвалы, было собрано для сведения. Сего побуждения вначале было для меня достаточно: собрав все материалы, я приступил к делу».

Кирилл Хлебников стремился оттенить положительные стороны деятельности А. А. Баранова, имевшие государственное значение, и не столь подробно останавливался на теневых сторонах.

Хлебников пишет, что иностранные купцы и промышленники с удивлением и почтением смотрели на труды и подвиги А. Баранова, «с завистью видели распространение наших владений». Он отмечает, что члены американского конгресса в 1821 году, говоря об укреплении русских в Ситхе и Россе, писали: «Народ, который в состоянии предпринимать такие путешествия, часто по едва проходимым горам и по ледовитым морям, во время таких бурь и снежных вихрей, что зрение и на несколько шагов не может посягать, конечно, знает всю важность и цену торговли, для которой он пускается в столь отдаленные странствования».

А. А. Баранов не имел достойных помощников. По этому поводу в книге приводятся слова лейтенанта Г. Давыдова, прожившего с правителем колоний восемь месяцев. Жил А. Баранов, — говорит Г. Давыдов, — «окруженный всегдашними опасностями, борясь с беспрестанными трудностями, при том не имеющий ни одного почти человека, способного содействовать ему с такою же ревностью».

Когда на смену А. А. Баранову были присланы в колонии достойные и знающие люди, в кругу их бывший правитель со слезами на глазах говорил: «Неужели Главное правление не могло найти прежде и прислать ко мне людей, вам подобных, тогда бы, вероятно, дела мои имели лучшие успехи, и я нашел бы в кругу их приятное препровождение времени».

В большой книге «Записки об Америке», напечатанной через двадцать лет после смерти автора, Кирилл Хлебников рассказывает о первоначальном поселении русских в Америке. В конце книги он высказывал пожелание, чтобы «обладание некоторым пространством земли, на коем основано селение Росс, было навсегда утверждено».

Интересно и поучительно сочинение Кирилла Хлебникова «Взгляд на полвека моей жизни». Написанное сто двадцать лет назад, оно захватывает и современного читателя. Неутомимый путешественник описывает части света, в которых побывал, их климат, народы. Излагает «достопамятности природы» — вулканы Камчатки, землетрясения, смерчи и прочие грозные явления природы.

В каких же странах побывал знаменитый уроженец Кунгура? «Европа знакома мне, — писал он, — по протяжению России от первобытных хребтов Урала до гранитных берегов Невы; в столице Дании, в прелестном Копенгагене, в некоторых портах Англии и на мшистых скалах Норвегии».

В Азии Кирилл Хлебников путешествовал по всему протяжению Сибири — от Киргиз-Кайсацкой степи до Якутска — и по Камчатке. Бывал он и в Африке, почву которой «топтал на островах, прилежащих к Зеленому Мысу». В Америке Хлебников посетил: берега Бразилии — в Рио-де-Жанейро, Чили — в Консепсионе, Перу — в Лиме, Гватемалу — в Тумбесе; Новую Калифорнию прошел он по всему пространству от порта Сан-Франциско до Сан-Диего. Посетил он часть берегов Северо-Западной Америки и все главнейшие острова, входящие в архипелаг от мыса Аляски до полуострова Камчатки. Кирилл Хлебников называет эти острова: Кадьяк, Уналашка, св. Павла, св. Георгия, Атха, Атту, Берингов и Амчитка. Не обошел в своих скитаниях путешественник и Австралию: там он приставал к небольшому острову Питкери, находящемуся в группе Островов Общества.

В каких только климатах не побывал уроженец Кунгура! Шесть раз он пересекал экватор, обливаясь потом до истощения сил и совершенного, как пишет он, «расслабления тела». И наоборот, он не раз обмораживался в необъятных просторах Сибири и Камчатки.

Если представить себе разные страны, посещенные Кириллом Хлебниковым, то открывается, по его словам, удивительная противоположность атмосферных явлений: «в Лиме никогда не бывает дождей; в Ситхе, напротив, по выражению одного остроумного путешественника: нет дождей. В Перу и Гватемале господствует вечная весна; на северо-западных берегах Америки — вечная осень».

Каких только народов не повидал смелый путешественник! Сличая цвет тела их, можно представить переходы «от лоснящейся черноты каменного угля до ослепительной белизны але-

бастра, и от глаз, ясных, как небо тропиков, до мрачных, как осенняя атмосфера Ситхи».

Названные работы — далеко не все литературное наследие знатного кунгуряка.

Мы уже упоминали его «Письма о Камчатке». Большой интерес представляют и его другие работы. Так, в архиве Академии наук СССР хранится объемистая рукопись Хлебникова «Историческое и статистическое обозрение русских владений в Северо-Западной Америке и по островам алеутским». Наконец, безусловно, Кириллу Хлебникову принадлежат «Записки о колониях Российско-Американской компании», о которых в конце 1955 года писал в отчете журнал «Известия Всесоюзного Географического общества».

Советский этнограф М. В. Степанова указала на недооценку этнографических работ Кирилла Хлебникова. Эта недооценка объясняется тем, что отдельные этнографические наблюдения Хлебникова разбросаны во многих его публикациях, а основная работа, находящаяся теперь в архиве Академии наук СССР, осталась неопубликованной. М. В. Степанова подчеркнула оригинальность этнографических суждений К. Т. Хлебникова и его широкое знакомство с этнографической литературой своего времени.

Еще великий русский ученый, выходец из народа, Михайло Ломоносов предвидел, что «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным Океаном и достигнет до главных поселений Европейских в Азии и в Америке».

Непреодолимое стремление русского народа к берегам Тихого океана и дальше — в Америку возглавил в конце XVIII века «Российский Колумб» Григорий Шелихов. Его дело продолжал Александр Баранов. Их прямым наследником был Кирилл Хлебников.

Он рука об руку с передовыми деятелями русской культуры трудился над хозяйственным освоением огромных земель, приобщением к русской культуре «диких» эскимосов, алеутов, индейцев.

Мероприятия русских людей в Новом Свете носили созидательный, прогрессивный характер. Русские приобщали индейцев к огородничеству, полеводству, животноводству. Они научили коренных жителей Америки различным ремеслам. В столице Русской Америки Ново-Архангельске была судостроительная верфь, где строили даже паровые суда. Русские печники и плотники, слесари, литейщики, кузнецы передавали свой опыт местным народам. В Русской Америке были свои

«рудознатцы», находившие сырье для местной промышленности. В середине прошлого века русские добывали в Америке первоклассный каменный уголь. Он горел в топках морских судов, его отправляли в Калифорнию.

Отсюда видно, насколько несправедливы и ошибочны высказывания современных американских исследователей, будто только их «энергичные» соотечественники могли открыть в Америке полезные ископаемые.

В Русской Америке существовали школы для обучения грамоте и ремеслам детей русских и туземцев. Наиболее способные ученики, особенно креолы, отправлялись в Петербург, где продолжали образование.

Русские не проявляли вражды к местному населению, уважали чужие нравы и обычаи. Иностранцы удивлялись добрым отношениям между русскими и туземцами. Интересны в этом отношении замечания английского мореплавателя Ванкувера, писавшего: «Я с чувством приятного удивления видел спокойствие и доброе согласие, в каком русские живут между сами грубыми сыновьями природы. Покорив их под свою власть, они удерживают влияние над ними не страхом победителей, но, напротив того, приобретая любовь их благосклонным обращением... Русские находятся на весьма дружеской ноге со всеми жителями самого края».

Подобно своим предшественникам по хозяйственному и культурному освоению Северо-Западной Америки — Григорию Шелихову и Александру Баранову — Кирилл Хлебников руководствовался в своей деятельности не только торговыми интересами Российско-Американской компании. Он имел перед собой широкие интересы государственного и научного характера. Кирилл Хлебников хотел видеть русский народ просвещенным, сильным и богатым.

Русские люди навсегда сохраняют в своей памяти имя замечательного путешественника, патриота Кирилла Тимофеевича Хлебникова, его ясный ум, честность, прямоту, наконец — стойкость характера, бесстрашие.

ЛИТЕРАТУРА

Главнейшие сочинения К. Т. Хлебникова

- Записки о Калифорнии, «Сын Отечества», 1829, том 174, ч. II и III. Первоначальное поселение русских в Америке, Журнал «Радуга», 1833, кн. II, III и V.
- Жизнеописание А. А. Баранова, СПб, 1835.
- Взгляд на полвека моей жизни, «Сын Отечества», 1836, том 175.
- Жизнеописание Г. И. Шелихова, «Сын Отечества», 1838, ч. II.
- Отрывки из записок русского путешественника (КХ) в Бразилии в 1833 г., «Северная пчела», 1838, №№ 56 и 57.
- Записки об Америке, Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного Океана, Приложение к «Морск. сб.», 1861, вып. 3, стр. 1—174.

Книги и статьи о К. Т. Хлебникове

- Адамов А. Первые русские исследователи Аляски, М., 1950, 124 стр.
- Адамов А. По неизведанным путям, М., 1950, 136 стр. О К. Хлебникове — глава «Летопись мужества и славы».
- Адамов А. Правда о русских открытиях в Америке, М., 1952, 32 стр.
- Архив декабристов, под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Л., 1925.
- Вишневский Б. Н. Материалы архива К. Т. Хлебникова, представляющие интерес для истории географии, Известия Акад. наук СССР, сер. геогр., 1953, № 5.
- Вишневский Б. Н. Путешественник Кирилл Хлебников (К 175-летию со дня рождения), «Вокруг света», 1955, № 6.
- Вишневский Б. Н. Замечательный исследователь Северо-Западной Америки. О путешествиях К. Т. Хлебникова в начале XIX века, «Природа», 1955, №12.
- Вишневский Б. Н. Путешественник Кирилл Хлебников и его культурное наследие, «На Западном Урале», Молотов, 1956, стр. 119 — 134.
- Врангель Ф. П. Жители северо-восточных берегов Америки, «Сын Отечества», 1839, том 7.
- Головнин В. М. Замечания о Камчатке и Русской Америке в 1809, 1810 и 1811 годах, Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана, вып. II, Приложение к «Морск. сб.», 1861, № 2.

- Головнин В. М. Сочинения, М. — Л., 1949.
- Загоскин Л. А. Путешествия и исследования в Русской Америке в 1842—1844 гг., М., 1956, 456 стр. О К. Хлебникове, стр. 8, 14, 38, 381.
- Кратт И. Колония Росс, Л., 1950, 320 стр., О К. Хлебникове, стр. 283, 285, 291, 293, 296, 304, 305, 306, 308, 311.
- Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве», М., 1950, 320 стр.
- Лазарев А. П. Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренного» в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819, 1820, 1821 и 1822 годах... М., 1950, 476 стр., О Хлебникове, стр. 280 — 281.
- Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 годах, М., 1947, 294 стр.
- Литке Ф. П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» 1826—1829, М., 1948, 304 стр., См. стр. 45, 61, 71, 87, 90.
- Марков С. Н. Клады «Колумбов Российских», Документы о русской морской славе, «Морской сборник», 1944, №10.
- Марков С. Н. Летопись Аляски, М., 1948, 224 стр. См. стр. 28, 92, 93, 96, 102, 109—111, 113, 115, 123.
- Марков С. Н. От Кунгура до Гватемалы, «Вокруг света», 1951, № 3.
- Марков С. Н. Русские на Аляске, М., 1946, О Хлебникове, стр. 73, 74, 76, 80, 82, 87—90, 92, 93, 100—101.
- Модзалевский Л. Б. Пушкин и К. Т. Хлебников, «А. С. Пушкин и Сибирь», Москва—Иркутск, 1937.
- Окунь С. Б. Российско-Американская компания, М. — Л., 1936, 260 стр.
- Полевой К. А. Записки... «Исторический вестник», 1887, № 9, См. стр. 510.
- Полевой Н. Кирилл Тимофеевич Хлебников, «Сын Отечества», 1838, том IV, кн. 7, отд. 6.
- Смышляев Д. Д. Источники и пособия для изучения Пермского края, Пермь, 1876.
- Степанова М. В. Из истории этнографического изучения б. русских владений в Америке, «Советская этнография», 1947, № 3.
- Степанова М. В. Ив. Вениаминов как этнограф, Труды Ин-та этногр. им. Миклухи-Маклая, н. с. 11, 1947. См. стр. 314.
- Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действия ее до настоящего времени, ч. II, СПб, 1863, 389 стр. См. стр. 284, 290, 335, 388.
- Фраерман Р. и Зайкин П. Жизнь и необыкновенные приключения капитан-лейтенанта Головнина, путешественника и мореходца, М., 1953, 480 стр. См. стр. 238.
- Хлебников А. И. К биографии К. Т. Хлебникова, Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией, вып. IV, Пермь, 1892.

Цена 1 руб. 10 коп.

С 10 1951 г.

